

Людмила ГРОМОВА

**ЗЕМЛЯ ВАЛОВСКАЯ.
ЛЮДИ И СУДЬБЫ**

Нижний Новгород
БИКАР
2015

УДК 908
ББК63.3(2Рос-4Ниж)
Г 87

ISBN 978-5-91723-121-1

В оформлении обложки и по тексту использованы фотографии автора.

Г 87 Громова Л.В.
Земля валовская. Люди и судьбы. – Н. Новгород:
БИКАР, 2015. – 176 с.

ISBN 978-5-91723-121-1

© Громова Л.В., текст
© Издательство «БИКАР», 2015

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель!

Более полувека назад, в далеком 1958 году, моя семья поселилась на валовской земле. Отец, Яруничев Виталий Ефимович, был избран председателем колхоза имени Косыгина, а мать, Яруничева Анна Васильевна, назначена директором Валовской семилетней школы в селе Покров. Родители были молоды, полны энергии и стремления созидать. Всю свою трудовую деятельность они

направили на то, чтобы валовский край стал цветущим, жизнь сельчан – устроенной, работа колхозников – плодотворной.

Широкие колхозные поля, животноводческие фермы, многолюдные деревни, гомон детских садов и школ – это привольная валовская земля, где живут и работают замечательные люди – прославленные и простые, веселые и сосредоточенные, словоохотливые и молчаливые. Но все они – великие труженики. Со многими из них мне посчастливилось рядом жить и работать. О них я и поведу речь в моей книге.

*Памяти моих родителей
Виталия Ефимовича и Анны Васильевны Яруничевых
посвящается...*

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Величаво несет свои воды красавица Волга. Высоки ее берега, что напротив города Юрьевца. Внизу тихо плещутся волжские воды. Вдруг, откуда ни возьмись, начинается сильный ветер, и огромные волны, набегая, с шумом разбиваются о крутые берега. Грохот волн навеивает воспоминания о великой битве, произошедшей у подножия этой горы четыреста лет назад. *«В 1609 году воевода Лисовский напал на город Юрьевец, предав его огню и истребив жителей!»* Спасшиеся жители Юрьевца, прихватив домашний скарб, ушли на левый берег Волги, в унженские леса. Лисовский надеялся на легкую наживу, но не тут-то было. Юрьевчане, объединившись с крестьянами левобережной, Коряковской волости, оказали ему яростное сопротивление. Майским днем 1609 года разгорелась под Юрьевцем горячая битва, долго длившаяся у подножия горы. Много польских и русских воинов сложили здесь свои головы, но подняться и перейти через Вальпольское войско не смогло. Летопись рассказывает о преславной победе под городом Юрьевцем: *«Победа их до конца, а инии и в Волге истопиша. Лисовский же утече с малыми людьми»*¹.

С тех давних пор и называется эта гора – Панова. Местечко Валы стало знаменитым, а его жители отличались

¹ Сокольский край / Автор-сост. И. Антонов. – Иваново: ООО «Новая Ивановская газета», 2007.

волей, смелостью, отчаянностью – валовские, значит.

«Во времена царствования Петра Великого, Екатерины Второй положение валовских крестьян как и беднейших слоев населения во всей России, было очень тяжелым. Их душили множеством различных налогов. В народе копилось недовольство, которое взрывается открытым выступлением против помещиков, купцов, деревенских богачей. Отголоски крестьянских войн Кондратия Булавина (1707–1708 гг.) и Емельяна Пугачева (1773–1775 гг.) докатились и до Верхневолжья. Классовая борьба в ее партизанской “разбойной” форме имела место и в Юрьевоцком уезде. На территории Валовской волости действовал Гаврюшка Старчонок “со товарищи” (“старчонок” – сын нищего). Народ считал действия повстанцев не разбоем, а возмездием»¹.

Знаменитые Валы

¹ Сокольский край / Автор-сост. И. Антонов. – Иваново: ООО «Новая Ивановская газета», 2007.

Предание гласит, что на рубеже XIX–XX веков был такой народный мститель и на валовской земле. Это Михаил Котов, в народе – Мишка-кот. Это предание рассказано жительницей деревни Кошкино Любовью Дмитриевной Зириной (1928 г.р.).

Жил Мишка-кот в деревне Юрково, разбойничал с малых лет. Ловили его много раз, сажали в тюрьму, но он всегда убегал. Даже дважды прибежал домой, в Юрково, прямо в кандалах. От полиции Мишка прятался на Асафовых горах, где у него была землянка.

Грабил он только богатых, а бедным всегда помогал. Жила в Кошкине женщина Евдокия Егорова, жила очень бедно, а детишек у нее было много. Не было у Евдокии коровы-кормилицы, извелась она как-то. Выходит однажды утром женщина на улицу, а к забору привязана корова. Говорили, что это Мишка-кот позаботился о женщине и ее детях.

Еще один случай. Возвращался как-то Мишка домой. Обоняет его старуха на плохонькой лошаденке. «Посади меня», – говорит ей Мишка. «Да, лошадь больно плоха, а на хорошую денег у меня нет», – отвечает старушка. Доехал он до тропки, что ведет к землянке, слез с телеги и дал старушке 75 рублей (столько стоила тогда лошадь).

Имел Мишка-кот и семью: жену, которую он любил и берег, и дочь. Но был за Мишкой грешок: любил он женщин и имел любовницу, звали ее Агаша. Удивительно то, что сочетались в этом человеке одновременно и любовь, и жестокость. После большой ссоры, произошедшей между его женой и любовницей из-за кур, пригласил Мишка любовницу на озеро Стайгош, убил ее и закопал. Обнаружили позже Агашу под кочей косцы.

Существует в народе пословица: «Как веревочке ни виться, а конец будет». Пришел однажды Мишка домой в бане помыться, да уснул крепко. А тут пришли в дом жандармы: они часто наведывались с целью найти здесь неуловимого разбойника. Выдала его родная дочь. Увезли Мишку в Юрьевец, где на площади вывели на людской суд. Сначала он обратился

к дочери с угрозой: «Ну, Дунька, вырвуся!» А перед народом стоял как на исповеди: просил у людей прощения за свои грехи: сорок одну душу погубил, восемь человеческих сердец съел, богатых уничтожал, а бедным помогал; в Завражье барина и барыню зарезал. В наказание заклали отчаянного разбойника в каменный столб, откуда невозможно был вырваться. Так закончилась жизнь отчаянного разбойника Мишки-кота. А сегодня напоминают о нем каменные дома, построенные на его деньги, в деревнях Левино и Юрково.

Валовская волость в Макарьевском уезде считалась одной из маленьких и бедных. Положение крестьян было тяжелым. В 1901 году в волости каждый шестой двор не имел ни надельной земли, ни лошади, каждый девятый не имел коровы, более половины дворов были однолошадными. Земледелие не покрывало всех потребностей семьи крестьянина, приходилось добывать деньги на стороне. Побочными заработками занимались четверо из каждых пяти взрослых мужчин, одна из пяти женщин¹.

Вполне вероятно, что именно с этих трудных времен из поколения в поколение валовскими жителями передается предание о Дашкином бревне (название места в лесу за д. Содомово). В Пушкареве жизнь крестьян была тяжелой, детей в семьях было помногу: восемь и более человек. У Дарьи от тяжелой работы умер муж, а детей было девять. Всю работу женщина выполняла со старшими детьми. Дрова закончились, а время – зима, декабрь, метель и выюга. Взяла Дарья сани, впряглась и поехала за «сухарником» в лес, что далеко за Блудовом. Добралась до леса, нарубила бревен, загрузила на сани, да перестаралась. Сильно много нагрузила бревен, а оставлять не захотелось – занесет снегом. Еле-еле до дороги добралась, сил уже нет, темнеет, а одно из бревен все с воза падает и падает. Дошла Дарья до кромки леса и решила оставить его у дороги на видном месте. Долго лежало бревно, а хозяйке так и не удавалось его забрать. Местные

¹ Антонов. Сокольский край. – Иваново, 2005.

жители прозвали это место Дашкиным бревном. Женщина все же забрала бревно, но название местечка так и осталось до сих пор. Среди старожилов часто можно услышать «Да там, за Дашкиным бревном», «Да там, у Дашкина бревна», «Встретил у Дашкина бревна».

«В 1904–1905 годах положение валовских крестьян стало наиболее тяжелым: последние скопленные рубли ушли на уплату податей, холодные нетопленные избы, полуголодные семьи. А рядом громадные лесные массивы, в которые доступ беднякам был закрыт. Чаша терпения переполнилась. И вот здесь вновь проявился вольнолюбивый нрав валовцев: крестьяне приступили к самовольной порубке лесов, сначала двумя-тремя семьями, а затем и всей волостью. Среди порубщиков выделялись вожаки – это крестьяне из деревни Ильино Н.В. Дерунов, его брат Г.Ф. Дерунов и И.Г. Замосковский. Это люди по тем временам грамотные, побывавшие в отходе. Возглавил движение Н.В. Дерунов, который всегда выступал в защиту крестьян, и был избран кандидатом в волостные старшины.

Рубка леса началась в октябре 1904 года и продолжалась всю зиму. Землевладельцы обратились за помощью к властям. Земское начальство выносило порубщикам приговоры, но крестьяне не спешили их выполнять, и вся волость продолжала валить деревья. Крестьяне за порубку лесов приговаривались к тюремному заключению.

д. Ильино – родина порубщиков Замосковского и братьев Деруновых

Рост политической сознательности валовских крестьян проявился в понимании ими необходимости укрепления связи с рабочими городов в борьбе за землю и волю. 9 ноября 1905 года состоялся митинг всех 15 деревень волости, на котором была принята резолюция, по определению губернатора, «крайне преступного содержания»: *«Надо готовить народные силы к нещадной борьбе с нашим бесчеловечным правительством, надо смотреть и разглядывать, как борется с царским правительством рабочий класс»*. Так Валовская волость Юрьевецкого уезда прослыла «мятежной»¹.

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ

Шли годы, подрастали внуки отчаянных порубщиков, а валовская земля подверглась новым испытаниям: Октябрьская революция 1917 года, Гражданская война, коллективизация на селе и проводимые в жизнь декреты советской власти: «Декрет о земле», «Декрет о мире» и другие.

Вся власть Советам – главный девиз, которому подчинена деятельность молодой Республики Советов. Родиной первого Совета стал город Иваново.

В 1920 году на территории Валовской волости Юрьевецкого уезда начал свое существование Валовский сельский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Из материалов Справочника по административно-территориальному делению Ивановской области 1918–1965 гг. следует: *«Валовская волость центр село Спас-Валы, включена в Юрьевецки уезд по декрету ВЦИК от 27 ноября 1922 года из Ковернинского уезда Костромской губернии. В 1924 году укрупнена. В нее вошли: Каргинская, Мамонтовская, Пелеговская волости и три селе-*

¹ Антонов. Сокольский край. – Иваново, 2005.

ния Завражной волости Макарьевского уезда – Перволока, Большое и Малое Черемисково. В волости было 7 сельских Советов Валовский, Каргинский, Ковригинский, Мамонтовский, Мостовский, Пелеговский, Сдободской. В 1929 году волость ликвидирована и на основании Постановления Президиума ВЦИК волость ликвидирована. Сельские Советы вошли в Юрьеvecкий район».

В состав Валовского сельсовета входили 11 колхозов и населенные пункты: Аксениха, Блудово, Покров-Валы, Грязовец, хутор Демидово, Ильино, Настасьино, Селянцево, Содомово, Шишово, Пушкарево, Плаксино, Плясово, кордон Пестиха. А также две начальные школы в Покрове и Валах, изба-читальня, медпункт и магазин. Исполнительно-распорядительным органом являлся президиум Совета, на заседаниях которого рассматривались важные вопросы социального и экономического строительства на территории сельского Совета. Подтверждением этому служат следующие факты¹.

Так, на заседании президиума 19.05.1935 г. рассматривался вопрос о выполнении молокопоставок за 1 и 2 кварталы этого года. Докладывал председатель сельского Совета Асов М.П. Жители, не выполнившие план, наказывались штрафами от 25 до 50 рублей.

Заседание президиума от 31.08.1936 года: слушали колхозника С., который не выплачивал молока ни одного литра. Постановили: наложить штраф 95 рублей.

В начале тридцатых годов на территории сельского Совета находились и дошкольные учреждения, если можно так назвать существовавшие в колхозах детские ясли. (К этому времени уже произошло укрупнение колхозов, и на территории Валовского сельсовета их было три.) Существование их подтверждает протокол заседания президиума Совета от 3.07.1936 года, на котором слушали заведующих яслями Красину (колхоз «Путь к социализ-

¹ Указанные выше и последующие материалы взяты из документов архивного отдела администрации города Юрьеvec.

му)), Рябкову (колхоз «Свобода»), Бунегину (колхоз «Передовик»). Из сообщений следовало, что питание детей было очень скудным и, кроме того, был недостаток кадров: нянечками работали девочки-подростки. Решение вынесено: *«Улучшить питание в детских яслях. Заменить нянечек-подростков более опытными работниками».*

Часто на президиумах заслушивались вопросы работы школ, которых было три: начальные Мизгиревская, Блудовская и неполная средняя в селе Покров. Так 22.09.1935 года слушали директора неполной средней школы Озерова Николая Алексеевича об организации учебной работы и внутреннем распорядке в школах. Директором поднимался вопрос о дисциплине и посещаемости. Вопрос о посещаемости стоял наиболее остро.

Не оставалась без внимания сельского Совета и работа Валовской избы-читальни. Первоначально изба-читальня располагалась в деревне Ильино в одном из деревянных домов. Позже – в д. Настасьино, в двухэтажном доме раскулаченного Кожина Н.М. Библиотека занимала нижний этаж, а на верхнем этаже располагался Валовский сельский Совет.

Так, на заседании президиума сельского Совета 6.06.1935 года рассматривался вопрос «О работе и состоянии Валовской избы-читальни», где отмечалось, что работник избы-читальни Д., племянник кулака, морально разложившийся, не ведет работу с молодежью по борьбе с пьянством и хулиганством. *«Постановили: работы совсем нет, за безответственное отношение к работе, связь с кулачеством избача Д. от работы освободить».*

Сельский Совет руководил организацией стахановского движения, утверждал списки колхозников, достойных носить звание «стахановец». Так 8.04.1936 г. высокое звание «стахановка» получили колхозницы Ярунина П., Хрусталева, Сенина (к сожалению, в протоколе заседания президиума не указаны имена и отчества женщин).

Благодаря сохранившимся в архиве документам мы узна-

ем имена сельских активистов. Вот список делегатов на районный съезд Советов в 1936 году: Асов П.М., Урядникова П.В., Ключкин О.С., Букин А.В., Киселев А.А., Скворцов А.М., Озеров Н.А.

С 1938 года вопросы социального и экономического строительства рассматривались на исполкомах и сессиях сельского Совета.

В связи со строительством Горьковской ГЭС в 1954 году Валовский сельский Совет вошел в состав Сокольского района Ивановской области. В период с 1955 по 1981 год прекратили свое существование деревни: Грязовец, Сорокопудово, Рогово. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 марта 1981 года деревня Содомово переименована в д. Ломня, поселок Валовского дома-интерната для престарелых – в поселок Валовский хутор.

Решением исполкома Сокольского районного Совета Ивановской области от 28 декабря 1982 года Валовский сельский Совет переименован в Пушкаревский сельский Совет с центром в д. Пушкарево.

Постановлением главы администрации Сокольского района Ивановской области от 16 марта 1993 года в состав Пушкаревского сельсовета вошли деревни: Козлово, Жабье, Притыкино, Свищево, Новые Короли, Корчагово, Починок, Дупленки, Данильчик, Бaeво. Ранее названные населенные пункты относились к Каргинскому сельскому Совету.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации от 09.10.1993 г. Пушкаревский сельский Совет прекратил свою деятельность, соответствующие функции возложены на Пушкаревскую сельскую администрацию с центром в д. Пушкарево.

В 1994 году Сокольский район вошел в состав Нижегородской области.

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

Сплошная коллективизация стала составной частью сталинского плана построения социализма в стране. Выделялись две генеральные линии – создание коллективных хозяйств и уничтожение кулачества как класса. Валовская волость к тому времени слыла богатым краем, славилась высокими урожаями, потому что трудились здесь истинные хозяева земли, упорные трудолюбивые люди. Словно безжалостный ураган прошелся по валовским селам и деревням процесс коллективизации, круто изменив судьбы многих людей.

Пушкарево – деревня не из бедных: были справные хозяйства, которые имели кузницы, мельницы, использовали рабочую силу, держали лошадей и коров. В период весна – лето – осень работали на земле, выращивая неплохие урожаи. Зимой кустарили: валяли валенки, занимались шитьем.

Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны И.Д. Харчевникова (1920 г.р.): *«Стоял жаркий июнь 1929 года. В Пушкареве появились уполномоченные. Всю деревню собрали на “десяток”, так назывался деревенский сход. Приехавшие обратились к крестьянам с речью о необходимости объединяться в артели, о том, что коллективно легче вести хозяйство, обрабатывать землю с помощью техники. Но вступающие в нее обязаны отдать свои скот и сельхозинвентарь для общего пользования. Перед уполномоченными на столе лежал список пушкаревских хозяев, в котором нужно расписаться, выражая тем самым согласие о вступлении в колхоз. По толпе прошел тихий ропот, собравшиеся люди упорно молчали: как можно расстаться со всем нажитым годами!? И только трое самых бедных крестьян Пушкарева: Асов, Урядников и Новожилов робко подошли к столу. Таким образом, первая попытка образования колхоза в Пушкареве была неудачной».*

Но работа по созданию колхозов продолжалась. В деревнях Рыжково и Селянцево крестьяне жили довольно

бедно, поэтому они охотно вступали в колхоз. Сразу вошли в колхоз семьи Муравьева М.П., Муравьева И.Н, Мамохина С.А., Муравьева А.П., Зимина И.Г. и другие.

Задача коллективизации на селе была поставлена правительством очень остро, поэтому власти на местах использовали и принудительные меры. На тех, кто не вступал в колхоз, накладывали большой денежный налог, а также натуральный налог: 50 кг мяса, 50 десятков яиц, 300 л молока в год. Если хозяин не платил налоги, не важно, по какой причине, то у него описывали имущество и скот.

Вот как вспоминают об этих событиях старожилы:

Михеева А.Ф. (в девичестве Круглова) (1928 г.р.), д. Ломня: *«Мы жили трудно, хотя имели своих корову и лошадь. Дед не хотел вступать в колхоз, за это на нас был наложен большой денежный налог. Денег у нас не было, поэтому забрали с нашего двора корову, лошадь, лошадиную упряжь, сено. Дед купил телушку, и поехал в Москву пожаловаться. Пока он ездил, у нас отобрали и телушку».*

Клянчина А.Г. (в девичестве Финагина) (1927 г.р.), д. Блудово: *«В колхоз мои родители, вместе с большинством односельчан, не вошли. Папа работал на Цыкинском льнозаводе, мама возила рейки в Слободку. Поэтому жили мы справно, купили лошадь. Налоги папа старался платить своевременно. Как-то он не успел заплатить их вовремя, и у нас забрали вещи, даже самовар. Председатель сельсовета требовал от родителей, чтобы они вступали в колхоз. Однажды он сказал: “Или в колхоз входи, или уезжай”. И мы вошли в колхоз».*

Лапшина А.Е. (в девичестве Спиричева), (1935 г.р.), д. Рошвенская: *«Мой отец Спиричев Е.Я. плотничал за Волгой в богатых колхозах, а мама работала в школе уборщицей. Долго уговаривал папу вступить в колхоз председатель Спиричев В.Я., но папа не давал согласия. Усадьбы у нас не было, а был только огород 10 соток. После того как папа отказался вступить в колхоз, огород у нас отрезали по самый угол. Год мы были совсем*

без земли. Но в колхоз наша семья так и не вступила».

Калинина Е.В. (в девичестве Пантелеичева) (1916 г.р.), д. Блудово: *«Мой отец отказался вступать в колхоз, за что власти постановили отобрать у нас землю, ухоженную и удобренную. По настоянию односельчан нам дали землю около Хутора, песчаную и очень плохую. Через два года наша семья отказалась от этого участка, тогда колхоз отобрал у нас лошадь и упряжь и увеличил размер налогов. Потом за долги увели и корову-кормилицу».*

Шалашова А.К. (в девичестве Софронова) (1921 г.р.), д. Аксениха: *«Не вошли в колхоз мой отец Софрон Конstantин и три его брата. Поэтому они не получили земли и ушли на кулиги (теперь это место называется Гарь). Разработали там землю, сеяли рожь, просо, сажали картошку. Сумели приобрести молотилку, веялку, которую позже забрали в колхоз. После этого трое братьев уехали в разные города. Остался на кулигах только мой папа. Жили тем, что продавали дрова, веники, рыбу. Перед войной извелась у нас лошадь, и тогда наша семья вступила в колхоз».*

Трудней всех пришлось в период коллективизации зажиточным крестьянам. Повесили на них, как приговор, прозвище «кулак» и раскулачивали.

Деревня Пушкарево. Жила семья Харчевникова Алексея Дмитриевича – 12 человек. Имела хороший двухэтажный дом, четырех лошадей, четырех коров, свиноматку, 15 голов овец, мельницу, кузницу. Рабочую силу хозяин не нанимал: сам работал в кузнице, а помогали во всем старшие сыновья. Но однажды ночью пришли милиционеры с оружием и отобрали все: имущество, скот, дом. Старших сыновей выслали в Магнитогорск, а старик Алексей ушел на шпалозавод, где топором тесал шпалы. Из остатков шпал построил себе избушку, в которой доживал свой век. Сыновья Алексея Дмитриевича не вернулись. Семь наиболее зажиточных крестьян Пушкарева были высланы в Магнитогорск, большинство с семьями. Среди них братья Новожиловы, Уряд-

ников Михаил и другие. «За что!? За то, что трудились день и ночь, не разгибая спины? Разве это враги?!» – с болью в сердце восклицает ветеран Великой Отечественной войны Харчевников Иван Дмитриевич, племянник А.Ф. Харчевникова.

Деревня Аксениха. Семья Маштаковых Василия и Анны занималась рыболовством. Как только по весне спадала большая вода на реке Демьян, что впадала в Волгу, Василий вместе с сыновьями Константином и Александром ставили на ней «затвор», за которым скапливалась вода, а вместе с ней и рыба. К этому времени дочь Василия – Агния с соседской девочкой Настей везли на лошади к затвору рыболовные снасти. Пойманную рыбу Маштаковы сдавали в Юрьеvec, а в праздничные дни продавали по деревням. Жили не так уж бедно, но и небогато. Но попала семья в список кулаков. За ними приехали ночью и увезли всю семью на Урал. Имущество и скотину забрали в колхоз, а дом продали на торгах. Детей Маштаковых через некоторое время отпустили, но вернулся в родную деревню только Константин, Агния и Александр поселились в Слободке. Родители Маштаковы вернулись в деревню только в войну и поселились у сына.

Житель Аксенихи Адакин Дмитрий был хорошим плотником. Он набирал бригаду мужчин и занимался строительством домов. Власти посчитали: использует рабочую силу, значит «эксплуататор». Всю семью Адакина с пятерыми детьми забрали и отправили на Урал. Дом этой семьи продали на торгах. Поздней с Урала вернулись только дети Дмитрия.

Семья Кожиных из деревни Настасьино жила в двухэтажном доме. В нижней, каменной части дома располагалась мастерская, в которой семья занималась изготовлением хомутов. Работали много, не привлекая рабочую силу со стороны, жили в достатке, за что и оказались «классовыми врагами». Семью Кожиных вместе с другими раскулаченными семьями отправили на Урал. Верхний этаж дома

этой семьи занял сельский Совет, а внизу разместилась изба-читальня. Валовский сельский Совет располагался в этом здании вплоть до 1982 года.

Пришла беда и в дом Финагина Константина Алексеевича, что в деревне Блудово. После революции бывшие помещичьи земли (в районе Валовского хутора) можно было купить. Так и поступил К.А. Финагин. На купленных землях семья Финагиных растила различные культуры, урожаи были хорошие, поэтому жили в достатке. Власти решили – это «кулаки» и выслали семью на Урал. Такая же участь постигла Хрусталева Александра Федоровича только за то, что он был старостой в церкви. Не пожалели и шестерых его детей. Старожилы говорят, что их всех расстреляли.

Семьи братьев Филипповых Павла и Алексея жили в деревне Настасьино в домах, стоящих напротив друг друга. В нижнем этаже дома Алексея братья вместе со своими сыновьями занимались столярным делом: изготавливали оконные рамы и двери. Были они хорошими мастерами, поэтому работы был непочатый край. Жили семьи Филипповых в достатке. С началом коллективизации Павел Филиппов отдал в колхоз имущество и дом, а сам остался жить во флигельке дома. Старший сын Павла Андрей, содержавший мельницу в Грязовце, отдал ее в колхоз. Андрей был оставлен при мельнице, так как в мукомольном деле ему не было равных. Другие дети Павла разъехались.

Филиппов Алексей категорически отказался вступать в колхоз, за что и был раскулачен. Судьба домов братьев Филипповых такова: из верхней деревянной части дома Павла был построен детский сад в деревне Селянцево, а нижний этаж был разобран на хозяйственные нужды; в доме Алексея разместилась школа.

В середине девяностых годов прошлого века дома хозяев, раскулаченных в период коллективизации (если они сохранились), возвращались потомкам. Так дома крестьян, раскулаченных в Настасьине, унаследовали их дети Кожин

Н.М. и Филиппов М.А. К сожалению, детям не пришлось пожить в родительских домах, но приедут в Настасьино их внуки и правнуки.

Период становления колхозов был сложным для жителей села: ломались вековые привычные жизненные устои, менялось сознание людей. В души закрались страх, недоверие, подозрительность. Широкое распространение получили доносы крестьян властям друг на друга, а иногда и на родного брата.

Из рассказа старожила д. Пушкарево Харчевникова И.Д.: *«Жили в Пушкареве два брата. Один из них, Александр, жил хорошо с женой и ее отцом. Держали коней на продажу: отец по заказам односельчан покупал лошадей и продавал им. Тем и жили. Но однажды вернулся в деревню брат Александра. Его не было семь лет: вел непутевую жизнь, не имел ни дома, ни семьи. Гонимый лютой завистью, он написал на семью брата донос. По этому доносу Александру и его тестю приписали статью и посадили. Старший через некоторое время вернулся по возрасту, а Александр так и пропал. А вскоре по такому же доносу забрали и жену Александра. Через неделю детям пришло письмо: “Ваша мать умерла”. Но людская молва донесла, что ее расстреляли в Иванове.*

Федора Голубева из Содомова посадили за оброненные в адрес председателя обидные, но справедливые слова. В деревне Блудово жила мастерица вышивать Семенова. Она вышила портрет В.И. Ленина. Однажды к ней пришла подруга Тоня Голубева, сестра Голубева Федора. У женщины кипели в душе боль и обида на власть за брата. А тут она увидела портрет Ленина и высказала в его адрес нелестные слова. За эти слова женщину посадили на три года, несмотря на наличие двух малых детей».

Но, так или иначе, колхозы начали свое существование на валовской земле.

Первоначально в каждой деревне был организован свой колхоз. Одиннадцать деревень – одиннадцать колхозов с

названиями: «Красный севец» (д. Селянцево), «Защитник труда» (д. Настасьино), «Новый мир» (д. Мизгирево), «Дружба» (д. Блудово). Не удалось установить название деревень, в которых были первые колхозы им. Красина, «Свобода», «Согласие», «Вперед к социализму», им. Демьяна Бедного, «Пятилетка в 4 года», «Новая жизнь».

Несмотря на принудительные меры, в деревнях оставались крестьяне, так и не пожелавшие вступить в колхоз. Они единолично вели свои хозяйства, за что и получили статус «единоличники».

Очень сложным был период становления колхозов. Селяне то вступали в колхозы, то выходили из них. Пример тому – протокол собрания колхоза «Новый мир» от 10 декабря 1932 года. *«Слушали: о принятии в колхоз Чумакова В.М. Постановили: принять в колхоз Чумакова В.М., которому внести вступительный взнос 15 рублей, ссыпать в фонд колхоза овса 8 пудов, картофеля 12 мер».*

Из протокола заседания правления колхоза «Передовик» (д. Пушкарево) от 10 июня 1932 года. *«Слушали: о состоянии работы на блудовском подучастке. Отмечалось, что на этом участке по заявлению выбыли 25 хозяйств, взяли самовольно колхозный обобщественный скот и производят работу на земле, принадлежащей колхозу. Это делают и хозяйства единоличников. Производится самовольная косьба клевера. Разъяснительная работа правлением проведена».*

С вышедшими из колхозов крестьянами велась не только разъяснительная работа, но принимались и более действенные меры, указанные в уставе колхоза: это изъятие у них имущества на 50% или более, до 75%, в зависимости от состояния хозяйства. Подтверждением тому служит решение правления колхоза «Передовик»:

– у товарища Ш. изъять имущества на 75%:

1 лошадь – 150 рублей, корова – 97 рублей, сбруя для лошади – 15 рублей, всего – 262 рубля;

– у товарища П. изъять имущества на 50%:

1 корова – 85 рублей, теленок – 25 рублей, плуг – 7 рублей, комплект сбруи – 15 рублей; всего на 152 рубля;

– у товарища М. изъять имущества на 50%:

телушка – 65 рублей, молотилка – 33 рубля, веялка – 7 рублей, сбруя – 15 рублей, телега 40 рублей; всего на 145 рублей.

И так далее можно продолжать данный список.

Рассматривались на правлении колхозов и вопросы работы школы, вопросы посещения молодыми колхозниками ШКМ (школы крестьянской молодежи), расположенной в селе Покров. Так, 30.10.1932 года слушали Овчинникова Ф.И. о ходе работы школы. Федор Иванович говорил о плохой посещаемости школы учащимися, которых родители не хотят, чтобы их дети посещали школу. Здесь же шел разговор о выделении колхозников на курсы ШКМ. Выделили следующих товарищей: Сопова А.М., Пантелеичева А.М., Новожилова С.М., Харчевникова А.М.

Были единоличники, которые позже вступали в колхоз. К таким людям при приеме в колхоз подходили строго: или не принимали совсем, или принимали «со строгим выговором». Так, на правлении колхоза «Передовик» 27.05.1933 года слушали заявление односельчанки Г. о приеме ее в колхоз. *«Постановили: в приеме в колхоз воздержаться, так как Г. дочь раскулаченного, бывшего мельника»*. Правда, спустя некоторое время женщину приняли в колхоз «со строгим выговором» и условием сдать фураж для содержания лошади.

Среди первых руководителей колхозов и Валовского сельского Совета были:

Клюкин Осип Степанович,
Калинин Аркадий Александрович,
Хрусталеv Иван Федорович,
Скрябин Михаил Григорьевич,
Сопова Александра Григорьевна,
Калинин Алексей Макарович,
Клянчин Григорий Иванович,

Спиричев Василий Яковлевич,
Рыжаков Леонид Михайлович,
Софронов Василий Яковлевич,
Асов Михаил Платонович,
Асов Павел Платонович,
Сорокни Иван Иванович,
Пантелеичев Александр Михайлович,
Суворкин Василий Иванович,
Скворцов Александр Михайлович,
Шалашов Федор Ефимович,
Киселев Александр Андреевич,
Семенов Николай Иванович,
Ефимов,
Опарин.

Один из первых активистов, секретарь Валовского сельсовета
Сорокин И.И. с супругой.

В начале 30-х годов проходило укрупнение колхозов. Так на территории Валовского сельсовета стало три колхоза: «Передовик», «Свобода» и «Путь к социализму».

Первым всегда трудно, а объединившиеся крестьяне сами вершили свою историю, начиная с первой борозды. Они хотели создать свой мир и создавали его. Как вспоми-

нают первые колхозники, трудились день и ночь. Засевали каждый клочок земли. В колхозе «Передовик» были три фермы для коров, овец, свиней, также несколько конюшен (только в Блудове их было три). Все поголовье нужно было обеспечить кормом и вывезти навоз. Все полевые работы выполнялись вручную и на конях. Например, при уборке хлебов день жали, а ночь сушили и молотили цепами. Корма, заготовленные на зиму, складировали в стога и оставляли на полях, а зимой подвозили к фермам на конях. Работали за трудодни, как в народе говорят, «за палочки». Поэтому неделю хозяйки копили на продажу молочные продукты, яйца, овощи и др. По окончании трудовой недели кони вставали на отдых, а колхозники отправлялись на базар в город Юрьевец кто с чем может (ведь нужно было иметь хоть какие-то наличные деньги). Деньги колхозники получали один раз в год при отчетном собрании. Из полученных денег вычитали налоги подоходный, бездетный, культурный, поэтому оставшаяся сумма была очень маленькой. Сумма денег, получаемая колхозником, зависела от количества заработанных им трудодней. Колхознику выдавали зерно от 1 кг до 800 г на трудодень, зерно мололи на мельницах (мельница была в каждом колхозе своя). Хлеб хозяйки пекли сами.

Наряду со взрослыми трудились и дети. Так, в деревне Рыжково была полеводческая бригада из девчушек 13–14 лет. Звеньевой была Катя Муравьева (сейчас ветеран труда Сорокина Екатерина Макаровна из деревни Селянцево). Их было четверо: Е. Курганова, Г. Мамохина, З. Муравьева. Бригадир Зимин Иван Григорьевич называл их «сестры милосердия». Е.М. Сорокина вспоминает: *«Что бы нам ни поручали – всю работу мы делали добросовестно. Сеяли, поливали, пололи, боронили на быках. Снашивали и устанавливали снопы в суслоны, а льняные снопы – в «скамейки». На быке ездили в лес: собирали сучки, жгли их, а из леса везли кругляк. Было трудно, но мы не сдавались, трудились от зари до зари».*

Сорокина Е.М.
(Катя Муравьева,
деревня Селянцево)

Родители Фаи Грачевой (сейчас ветеран труда Сергеева Фаина Григорьевна из д. Пушкарево) вошли в колхоз сразу. Отец работал конюхом, а мать – в бригаде полеводов. О себе Фаина Григорьевна рассказывала так: *«Я с 11 лет помогала колхозу. Когда вывозили навоз на поля, папа грузил навоз на телегу, сажал меня поверх навоза, и я вместе с мужчинами ехала в поле. Там навоз стаскивала с телеги крюком, стараясь не отстать от мужчин. Однажды, по возвращении из поля у моей телеги слетело колесо. Дядя Сережа Ярунин, проезжая мимо, сказал: “Ну вот, теперь я тебя обгоню”. А мне так не хотелось отставать. От обиды я заплакала громко, во все поле. Дядя Сергей улыбнулся, надел колесо на ось, вставил чеку и отправил меня вперед. От моих слез не осталось и следа».*

Многие девочки работали на фермах. Семья Саши Захаровой из деревни Селянцево (сейчас ветеран труда Кулакова Александра Галактионовна) жила очень бедно. Денег в доме не было, на трудовень давали очень мало – до 300 г зерна и меньше. Не проучилась Саша и двух лет, как мама Ольга Павловна сказала: «Шура, надо идти работать, может, возьмут в телятницы». Так двенадцатилетней девочкой Саша пришла на ферму и стала работать телятницей вместе со взрослыми Варварой Солнышковой и Ираидой Акуличевой. Особенно было тяжело таскать ведра, но помогали сестренки, помогали и взрослые. Девять лет Саша ухаживала за телятами на селянцевской ферме.

Из всех трех хозяйств наиболее крепким был колхоз «Передовик», которым долгое время (до начала войны и по ее окончании) руководил умелый хозяйственник Клюкин Осип Степанович. Он пользовался большим уважением колхозников за умение грамотно вести хозяйство и доброе отношение

к людям. В двух других колхозах частая смена руководителей отрицательно сказывалась на состоянии дел в хозяйствах, что приводило к низким показателям по урожайности. А в результате этого колхозники очень мало получали на трудодни.

В связи с образованием Горьковского водохранилища снова произошло укрупнение колхозов. Было принято решение о присоединении колхозов «Путь к социализму» и «Свобода» к наиболее крепкому колхозу «Передовик». Из воспоминаний ветерана войны и труда Харчевникова Ивана Дмитриевича: *«Первоначально колхозники нашего колхоза “Передовик” были против присоединения других колхозов. Но все-таки в состав колхоза “Передовик” приняли колхоз “Свобода”, потому что он имел большие площади покосов. Решение о принятии колхоза “Путь к социализму” далось нелегко. Но, наконец, порешили принять данный колхоз в состав вновь образованного колхоза, хотя бы потому, что в колхозе “Путь к социализму” есть мельница».*

Так, на территории Валовского сельсовета получил свое существование большой колхоз «Передовик». О судьбе колхоза будет рассказано далее.

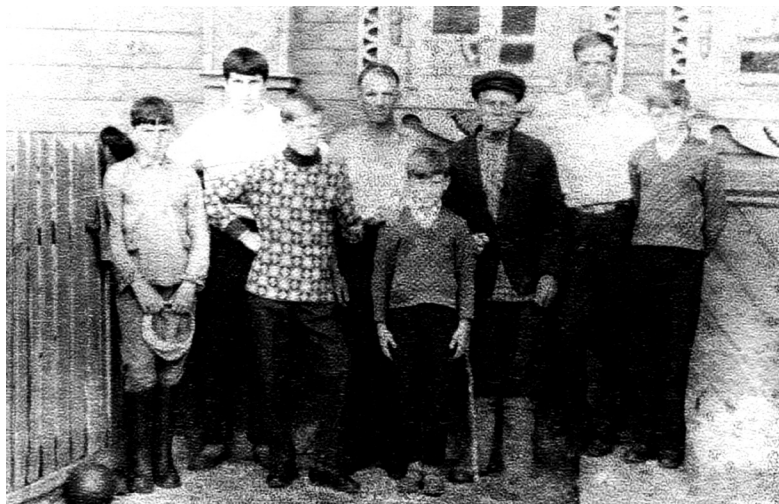

Саша Захарова,
начало 40-х годов
(А. Г. Кулакова,
д. Селянцево)

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Александр Михайлович Скворцов из деревни Селянцево с 14 лет остался без отца и без матери, рос смысленным и деловитым. Двадцатилетним пареньком встретил он революцию 1917 года, а позже сражался на фронтах Гражданской войны. Там попал в плен к белогвардейцам, где исполнительного и расторопного паренька заприметил офицер. Так Саша стал извозчиком офицерской брички.

Освобожден из плена наступавшими частями Красной армии. По возвращении с Гражданской войны он возглавил сельский Совет. А когда в Селянцеве был создан первый колхоз «Путь к социализму», односельчане избрали Александра Скворцова его председателем.

А. М. Скворцов с внуками

Наступил 1938 год, год повальных репрессий по стране. По доносу за Скворцовым приехали ночью на подводе, долго искали по дому какие-то бумаги. Не найдя ничего, приехавшие надели на Александра наручники и отправили в город Иваново. Там состоялся суд, где судили председателя как врага народа (возможно, припомнили белогвардейский плен). Получил Александр Михайлович десять лет лагерей без права переписки. Осталась его жена Марина одна с шестью детьми, младшему из которых было шесть лет. Трудно пришлось семье. Враз повзрослевшие дети во всем помогали матери: работали в колхозе наравне с взрослыми, во всем помогали по хозяйству. Младшие ходили в школу в деревне Мизгирево,

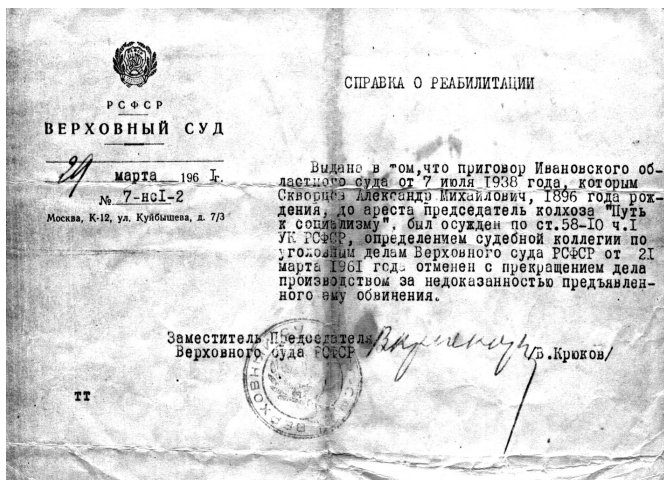
хотя иногда и нечего было надеть на ноги. Хорошо то, что односельчане сочувствовали Марине в ее несчастье, да и детей никто не посмел назвать детьми «врага народа».

Пребывание в лагерях на Дальнем Востоке оставило в памяти Александра жуткие воспоминания: голод, холод, болезни, смерти товарищей. Кормили осужденных очень плохо: давали гнилую соленую рыбу. Некоторые, в том числе и Александр, не ели ее. Но большинство не могли удержаться, отчего потом умирали по сто человек за ночь. От недоедания люди очень слабели. Наиболее слабых отправляли доживать в тамбура барakov. Требовались места для новых заключенных, способных работать. За шесть лет непосильного труда и недоедания Александр превратился в изможденного, постаревшего, с трудом передвигающегося человека. В сорок шесть лет он весил 28 килограммов. И уж, видимо, так угодно судьбе: сжалившиеся над ним конвоиры посадили мужчину на поезд, следовавший до Москвы. На прощание сказали: «Если не помрешь по пути, так, может, доедешь до дома». Пассажиры, с которыми ехал Александр, подкармливали его кто чем мог. Поэтому за семь суток пути мужчина немного окреп и смог лучше передвигаться. В Москве добрые люди помогли сесть на поезд до Кинешмы. Была поздняя осень, на Волге заканчивался период навигации, поэтому Александр поспешил на пристань. Дорога давалась ему с трудом. Спустившись к причалу, мужчина увидел, что последняя баржа, следовавшая вниз, уже отошла. Он отчаянно закричал и замахал руками. И удивительно! Капитан развернул судно и снова причалил к берегу. Так Александр оказался в Юрьевце. Встречавшиеся односельчане не узнавали его, и только одна женщина с удивлением вскрикнула: «Это ты, что ли, Александр!» Радостную новость передали жене Марине. От неожиданности женщина так растерялась, что помчалась за лошадьё в сторону, противоположную конному двору. Как же, ведь целых шесть лет не было от мужа ни одной весточки! Наконец, Марина едет на лошади за мужем в город Юрьевец. Колеса телеги

постукивают, и им в такт в голове женщины только одно: «Жив! Жив! Жив!» И вот, она долгожданная встреча. Марина на мгновение замерла: «Этот постаревший немощный человек – ее Сашка?» А через секунду она рыдала на его груди. По дороге Марина рассказала мужу, что их Гена погиб на фронте, Саша служит на Балтийском флоте, дочери совсем взрослые и что дома у нее сейчас один мужчина: их четырнадцатилетний сын Веня. Дома дети с трудом узнали своего изменившегося до неузнаваемости отца. Целый год выхаживала Марина своего мужа. А как только Александр смог крепко держать в руках топор, он собрал плотницкую бригаду. Работали в Юрьевце и в Костромской области, строили в основном административные здания.

В колхоз Александр Михайлович так и не вернулся. Факт пребывания Александра Михайловича в лагерях, отрицательно сказавшись на судьбе его сына Александра. Александр служил на флоте радистом. Работа была очень ответственная: через его руки проходили секретные сведения военного командования. Его судно не принимало участие в боях, оно сопровождало грузы, идущие по Баренцеву морю на фронт. Александр зарекомендовал себя человеком дисциплинированным, знающим, целеустремленным, влюбленным в море. Поэтому в числе восьми лучших моряков флота он был рекомендован в Ленинград для получения профессии военного разведчика. Перед деревенским пареньком открывались большие перспективы. Но строка из биографии «отец осужден по 58 статье» перечеркнула все. Александр был отправлен обратно на судно, но уже в качестве простого матроса. Это был для него страшный удар. Поэтому, когда моряк вернулся домой, он занялся реабилитацией отца. Непростое это было дело для той поры: но Александр добился правды. Однажды, это было в 1961 году, Александра Михайловича вызвали в Юрьевецкий райком КПСС, где сообщили о его реабилитации. В справке Верховного суда о реабилитации, датированной 29 марта 1961 года, сообщалось: «...выдана в том, что приговор Ивановского област-

ного суда от 7 июля 1938 года, которым Скворцов Александр Михайлович, 1896 года рождения, до ареста председатель колхоза "Путь к социализму", был осужден по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 21 марта 1961 года отменен с прекращением дела производством за недоказанностью предъявленного ему обвинения».

Справка о реабилитации А. М. Скворцова (1961 г.)

В родной деревне Селянцево всю жизнь прожили трое детей Александра Михайловича: дочери Нина и Евгения, сын Вениамин. Долгие годы они трудились в колхозе. Работали на валовской земле и внуки Александра Михайловича. Внук Александр Захаров был одним из лучших шоферов колхоза имени Ленина. Умение руководить людьми передалось от деда внуку Сергею Захарову, который с 1983 года в течение семи лет руководил комплексной бригадой в колхозе имени Ленина на родине деда – в деревне Селянцево. Внуки первого председателя колхоза Скворцова Александра Михайловича бережно хранят память о своем дедушке и обязательно расскажут о нем своим детям и внукам.

ЗЕМЛЯ-КОРМИЛИЦА

Летописец старообрядческого края писатель Мельников-Печерский писал: *«В лесистом Верховном Заволжье деревни малые, зато частые, одна от другой на версту, на две. Земля холодна, неродима, своего хлеба мужику разве до Масленой хватит. Как ни бейся на надельной полосе, сколько страды над ней не принимай, трудовым хлебом себя не прокормишь. Такова сторона!*

Другой бы на месте заволжанина давно бы с голоду помер, но он не лежебока, человек досужий. Чего земля не дала, умением за дело взяться берет.

Сколько же нужно было холить, обхаживать, удобрять пашню, чтобы она расщедрилась на урожай, сколько потов хлебоборы пролили! А ведь теперь родит земля!»¹

Рожь женщины жали серпами, связывали их в снопы. Снопы собирали, чаще всего дети, и ставили их в суслоны, в которых рожь просушивалась. Убранный хлеб свозили к овинам для окончательной просушки. В Блудове, например, таких овинов было три со своими названиями – «Суворкин», «Букин» и др.

Овин – глубокая (метра 3–4) крытая яма. Поверх ямы лежал металлический настил, на который комлями вниз ставились снопы. Снопы перед этим протаскивались внутрь овина через специальное окно. На дне овина горел костер из березовых дров, от жара которого сушились снопы. За костром смотрел специальный человек, находящийся там же, на дне. Он должен был следить за тем, чтобы искры от костра не попали на снопы. Снопы за ночь высыхали. Через то же окно их вынимали и везли на пеледу (большой сарай, вдоль которого проезжала лошадь). Здесь стояла молотилка, приводимая в движение лошадьми, ходящими по кругу. На ней и обмолачивались снопы.

Зерно мололи на мельницах, стоящих на речках. Та-

¹ Мельников-Печерский. «В лесах»

кие мельницы были в Пушкареве, Грязовце, Шипулине и других населенных пунктах.

Хлеб – всему голова. Но вместе с хлебушком в наших краях растили лен, основное сырье для тканей.

Выращивание и обработка льна – очень трудоемкий процесс. Возшедший на полях лен кропотливо пололи. Когда он созревал, женщины теребили его руками, связывая в снопы. Снопы ставились в «скамейки» из 12 и более снопов. Подсохшие снопы льна на конях отправляли в овины для окончательной просушки. Сухие снопы свозились на «ладони», находящиеся рядом («ладонь» – расчищенная и плотно утрамбованная площадка). На них вальками околачивали снопы льна. (Валек – длинный, плоский, слегка выгнутый, по одной стороне брусок с рукояткой для катания белья на скалке, для выбивания его при стирке.) После околачивания бобуши (коробочки с семенами льна) отделялись от льнотресты. Бобуши просеивали лопатами и собирали семена льна. Льносемя отправлялось на маслобойни, а бобуши – на корм скоту. Льнотресту сушили, затем женщины мяли ее вальками и трепали трепалом. После такой обработки получали леноволокно, которое связывали в горсти. (Горсть – это количество чего-нибудь, помещающееся в руке.) «Горсти» связывались в «свясло» (пучок льна из нескольких горстей), в таком виде леноволокно отправляли на фабрику в город Юрьевец, а позднее – на Цыкинский льнозавод.

Среди крестьян находились умельцы, которые старались облегчить нелегкий труд земледельца. Так, например, в деревне Селянцево народный умелец Шаров придумал и сделал колотилку для льна, которая приводилась в движение лошадьми. В деревне Грязовец исправно работала мельница благодаря мастерству ее хозяина Андрея Павловича Филиппова.

Государство тоже стало обеспечивать село техникой. Колхоз «Передовик» вполне оправдывал свое название, именно здесь работал колхозный завод – это маслобойня, мельница, льнотрепальный агрегат и машина МК-1100 в простонаро-

дье «Слошка», которая околачивала снопы ржи и выдавала отдельно солому, зерно двух сортов и отходы зерна. Всем этим хозяйством управлял механик Урядников Алексей Дмитриевич. Это благодаря его умению вся техника колхозного завода работала безотказно. *«Мастеровой был человек»*, – вспоминают об Алексее Дмитриевиче старики. В конце сороковых годов в колхоз «Передовик» поступила конная жатка. Она жала рожь и складывала ее в пучки, а женщины, шедшие за ней, вязали снопы.

Постепенно на колхозных полях появлялись все новые и новые механизмы, облегчающие труд крестьян, – это зерноуборочные комбайны, льнотеребилки, картофелекопалки, картофелесажалки, картофелеуборочные комбайны, сенокосилки и всевозможная вспомогательная техника.

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!

Казалось, нужда оставила крестьян навсегда: и посевная 1941 года проходила дружно, и планы новые намечались, но 22 июня короткое слово «война» перечеркнуло все надежды.

Вспоминает ветеран труда Семенов Александр Михайлович, житель д. Блудово. *«Стоял теплый июньский день 1941 года. Жители нашей деревни были заняты каждый своим делом. Наши соседи, братья Букины Александр и Николай, собирались порыбачить и чинили в заулке крылач (орудие ловли рыбы). Мы, пацаны, с любопытством наблюдали за этим. Вдруг в тишине раздался истошный женский крик. Взрослые бросили свое дело и вместе с нами выбежали из заулка. Через мгновение, слышались все новые и новые громкие вопли, объединившиеся в сплошной вой. Так мы услышали страшное слово “война”.*

Долго стоял над деревней надрывный плач: плакали все, женщины и дети. Моего отца, Калинина Михаила Ивановича, забрали на фронт в числе первых двадцати человек.

Хорошо помню тот день, когда их отправляли. В ту пору существовал в деревне обычай: “некруту-яичко” (некрут – мужчина, отправлявшийся на военную службу). По обычаю некруты в день отправки на службу обходили все дворы, где каждому давали яйцо. Даже сейчас представляю огромное количество яиц, которые варились для отправлявшихся на фронт.

Провожали мобилизованных в сельсовет, что находился в деревне Настасьино, всей деревней. Вещи везли на подводах, а взрослые и дети шли пешком. Потом вся процессия двинулась в деревню Ильино. Здесь прощались мобилизованные с детьми и теми, кто не провожал до военкомата в городе Юрьевце. Меня с сестрой Лидой отправили родители домой, сказав: “Идите вон на березы”. (Тогда рядом с деревней Блудово росла березовая роща, которую хорошо было видно из Ильино.) Мы шли, не разбирая дороги, прямо на березы, которые были плохо видны через пелену наших заплаканных глаз. Получили мы от папы письмо с фронта, когда он участвовал в боях под городом Великие Луки. Он писал: “Мы с немцем очень близко, как от нас до дяди Емельяна (это метров 150). Пули свистят, как мухи. Жив буду, сообщу, иначе не поминьте лихом”. Больше мы не получали от папы писем. Чуть позже получили известие о том, что Калинин М.И. пропал без вести под городом Великие Луки.

Судьба распорядилась так, что мне пришлось побывать на месте, где воевал мой отец. В 1952 году меня призывали в армию. Когда нас отправляли в Германию к месту службы, в городе Великие Луки была остановка. Во время боев в 1941 году этот город трижды переходил из рук в руки. Поэтому, когда мы вышли из вагонов, перед нами предстала жуткая картина. Весь город лежал в руинах, точней, города не было. На его месте стояла одна водонапорная башня, насквозь пронизанная отверстиями от снарядов, было трудно понять, на чем она держалась. Мы с друзьями пошли к месту захоронения советских солдат.

Я долго бродил, между братских могил, глядяваясь в надписи в надежде найти дорогое мне имя. Конечно, имени отца я не нашел: в такой “мясорубке” уцелеть было невозможно».

Сколько лет прошло, но Сергеева Фаина Григорьевна (жительница деревни Пушкарево, 1928 г.р.) помнит все, как будто это было вчера: *«Стоял жаркий июльский день 1941 года. В этот день мой папа, Грачев Григорий Андреевич, был призван на фронт. Когда пришла повестка, его дома не было, он жал рожь у деревни Данильчик. Мама послала меня за ним. Оставшаяся часть дня и ночь пролетели незаметно. Утром мы с мамой, снарядив лошадей, поехали в Юрьевец, в военкомат провожать отца. В Ильино к нам присоединились Абаимов Вячеслав и Пивоваров Петр, которые тоже отправлялись на фронт. Наши лошади спустились с горы и отправились в путь. А отец Вячеслава, высокий седой старик, долго стоял на горе, пока мы не скрылись из виду. На берегу Волги мы сели в старенький пароходик “Север” и отправились в город. Около военкомата было много людей, но приезжали все новые и новые мобилизованные. Ночью всех их отправят на барже. К вечеру мы с Леней Абаимовым, сыном Вячеслава, поехали домой, а мама осталась провожать папу. По дороге догнали Пивоваровых и, наконец, приехали в Ильино. Стемнело. Домой мне пришлось ехать на лошади одной. Я ехала, стоя в полный рост, мое сердечко громко стучало, отдаваясь в висках. Лошадь бежала быстро. Из темноты то тут, то там появлялись суслоньки ржи, пугая меня. Домой я приехала около часа ночи.*

С того дня началась у нас новая жизнь. Мама осталась за папу конюхом. Уходя на фронт, папа сказал маме: *“Фаинку-то не отдавай в школу”*. Так закончилось мое образование. По весне 1942 года мы получили с фронта письмо. Его прислал папин однополчанин, он писал: *“Милые дети, тяжело ранило вашего папу в живот. Он этого не перенес и умер”*. Прочитав письмо, я забралась

на печку и проплакала целый день. Поздней пришла похоронка на отца. Погибли на фронте и наши земляки, отправлявшиеся с папой на фронт, Абаимов Вячеслав и Пивоваров Петр. Жизнь в военное время была трудной, но все понимали, что надо выжить, и трудились все – взрослые и дети. Есть было нечего. Зимой собирали гнилушки картофеля в поле, толкли их, мешали с мукой и пекли хлеб. Мешали с мукой и клеверную мякину, а потом пекли. В деревне Ильино Пивоваровы пекли хлеб. Нашей семье, на шестерых человек, давали половину каравая на день. Сладкого мы не видели совсем.

В то время мой дед Василий Тимофеевич сторожил детский дом, находящийся в селе Покров. Там жили дети из блокадного Ленинграда. Несмотря на голод, дед приводил на день к нам из детдома 2–3 детей. С благодарностью вспоминаю Клюкина Осипа Степановича, председателя колхоза “Передовик”. Если бы не он, мы бы не выжили в войну. Когда у нас в доме заканчивалась мука, мама шла к Осипу Степановичу и жаловалась на свою беду. Он молча шел в свой амбар и нагребал маме зерна. Хорошим подспорьем были общественные огороды, находящиеся под горой на берегу Ломни. Здесь выращивали огурцы, капусту, брюкву. Собирали до тысячи огурцов (грядки были очень длинные) и везли на базар. То трудное время мы пережили».

Геннадия Алексеевичу Матаруеву из деревни Левино было 8 лет, когда началась война. Он вспоминает: «Помню хорошо начало войны. Объявление о войне мы услышали в начале дня. Мой отец, Алексей Михайлович, пахал в тот день поле на тракторе ХТЗ за деревней Левино. Повестку на фронт ему принесли работники сельсовета прямо в поле. Папа пришел с поля сразу и сказал: “Топите баню”. Мамы в тот час дома не было, она ушла в Слободку. Сосед Андрей Иванович принес папе сухарей. На сборы ушло немного времени, а в Цыкине мобилизованных уже ждали полуторки. На них моего отца вместе с другими мужчинами отправили в Сокольское в военко-

мат. Мама вернулась ближе к вечеру. Узнав о новости, она запрягла лошадь, (у нас была своя хорошая, резвая лошадь) и мы поехали в Сокольское. Мама очень волновалась, боялась, что не успеет проститься с папой. Когда мы подъехали, все мобилизованные были построены в колонны. Их было очень много человек 120. Колонны и провожающие отправились на пристань в южной части поселка. По каким-то причинам подплывший транспорт не смог причалить к пристани. Тогда его перегнали к причалу, находящемуся много северней. Все двинулись туда. Через все Сокольское папа пронес меня на руках. (Я до сих пор помню добрые, сильные папины руки.) У причала мы попрощались с папой. Всех мобилизованных погрузили на транспорт, и он отошел от берега. Провожающие долго махали вслед. С фронта от папы мы получили только одно письмо. В декабре 1941 года он пропал без вести.

Остались мы, трое пацанов, и мама. Нужно было кормиться, и мама отдала меня в деревенские пастухи. Старший брат Коля помогал деду класть печи. Пас я четыре года. Войну мы пережили, сильно не голодали, потому что сажали много картошки, да и я по окончании пастьбы, приносил домой до 12 пудов зерна. Помню и день Победы 1945 года. Плакали, потерявшие близких в этой страшной войне. На лицах других я видел слезы радости».

Василий Сергеевич Епанчин (с. Цыкино) до войны работал председателем колхоза «Путь к свету». В мае – июне 1941 года он проходил подготовку в Гороховецких военных лагерях. По их окончании он возвращался домой в Цыкино к жене и дочке. Не успел он вернуться, как объявили о начале войны. Коммуниста Епанчина в первый же день отправили на фронт на передовую.

После тяжелого ранения в бок Василий Сергеевич лечился в Горьковском военном госпитале. Два раза его жене Павлине удалось побывать там и увидеть своего мужа. Ездил к папе в госпиталь и семилетняя дочка Галя.

Сейчас Галине Васильевне за семьдесят, но до сих пор перед ее глазами встают картины тех далеких дней. *«Началась сильная бомбежка, санитары приносят в убежище много-много раненых в окровавленных бинтах, слышится ужасающий вой сирен»*. Со слезами на глазах Галина Васильевна заканчивает свои воспоминания о той давней поездке.

Долгих семьдесят лет она хранит в памяти светлый образ своего отца: вот стоит он на большой мраморной больницы лестнице и, придерживая рукой раненый бок, со слезами на глазах машет уходящим жене и дочке.

Василий Сергеевич Епанчин погиб в бою 13 февраля 1942 года под Ленинградом.

В предвоенные годы семья Дмитрия и Екатерины Сосниных живет в деревне Ильино, у них трое детей. Дмитрий Иванович работает ветеринаром и учится заочно в Юрьевецком зооветеринарном техникуме.

Когда он окончил обучение в техникуме, решает вопрос переезда семьи в город Макарьев Костромской области. В жизни семьи намечались хорошие перспективы. Но война в 1941 году перечеркнула все мечты.

Дмитрия Ивановича, который проходил действительную службу на карело-финской границе, отправили на фронт в первые же дни войны. Попал он сразу на передовую, где шли жестокие бои.

Его семья вернулась в Ильино. Жили очень трудно, о чем со слезами на глазах вспоминает дочь Дмитрия Ивановича Руфина Дмитриевна Рябкова. Сейчас ей за семьдесят, но она до сих пор хорошо помнит последнее прощание с отцом. В кузове машины мужчины, которые отправляются на фронт, все побриты наголо, отчего кажутся все похожими друг на друга. Девочка на миг теряется, разыскивая глазами отца. Но вот мать берет детей по очереди и поднимает их отцу. Отец берет каждого на руки и нежно целует. Сильные папины руки и его прощальный поцелуй до сих пор хранит Руфина Дмитриевна в своих воспоминаниях.

Дмитрий Иванович пропал без вести в октябре 1941 года.

В деревне Селянцево проживают сестры Захарова Надежда Галактионовна и Кулакова Александра Галактионовна, обе труженицы тыла. Из их воспоминаний об отце Захарове Галактионе Васильевиче: *«Нас у папы было шестеро. Еще до войны у нас была лошадь. Без лошади на деревне жить многодетной семье было трудно. Однажды, когда уже началась война, пришел к нам секретарь сельсовета Сорокин И.И. и сообщил, что наша лошадь нужна фронту и папа сам должен отвести ее в Кинешму. Когда папа уводил нашу лошадь-помощницу, плакала вся семья. Вернулся папа из Кинешмы усталый и озабоченный: как же теперь будем жить без лошади? И решили они с мамой купить другую лошадь. Для этого мама продала костюм отца и свои хорошие одежды (мама была из состоятельной семьи). Но и эту лошадь забрали на войну. А вскоре и папа был призван на фронт».*

«Хорошо помню проводы папы, – продолжает Надежда Галактионовна рассказ сестры. – Мы с мамой проводили его в Юрьеvec на лошади. От военкомата до причала уходившие на фронт шли широкой колонной. Мама на лошади старалась поближе подъехать к колонне, где шел папа. На причале всех отправлявшихся на фронт посадили на пароход. Пароход поплыл медленно, оставляя за собой шлейф черного дыма. А провожающие шли по берегу и долго, долго махали вслед.

Папа воевал под Ленинградом, а наш брат Алексей – по другую сторону, в Карелии. Однажды папа приходил домой на побывку по болезни (у него болел желудок). Помню, вошел он в дом уставший, грязный и заросший, поэтому сестра Шура сначала не узнала его. Подлечившись, папа пошел в военкомат и попросился на фронт. Получили мы от него письмо из-под Тихвина, там он и пропал без вести. Брат Алексей вернулся с фронта живым».

А МАТЬ ВСЕ ЖДЕТ

Через лес, что за Рыжковым, проходит дорога на Вало́вские пески, Слободку в Юрьеве́ц. На стволах деревьев вырезаны имена, много имен. Здесь место прощания жителей Селянцева и Рыжкова с односельчанами, которые уходили на действительную службу в армию, а позже – на фронт. После каждых проводов вездесущие деревенские мальчишки вырезали имена ушедших. Сколько слез здесь пролито!..

Перед началом Великой Отечественной войны на этом месте прощался со своей семьей и любимой девушкой Ниной некрут Николай Скворцов. Он уходил на действительную службу в армию. Как всегда, деревенский гармонист Василий Пряхин растянул меха тальянки, и полилась веселая музыка. Николай, озорно приплясывая, запел частушки:

*Нас никто не похоронит –
Ни отцы, ни матери.
Похоронят в чистом поле
Немцы-неприятели.*

*Высоко на косогоре
Мой товарищ умирал,
Глазки серые, веселые
Навеки закрывал.*

Мать со слезами бросилась на грудь сына: «Неужели ты не вернешься?» Николай бережно отодвинул от себя мать и ласково успокоил ее. Частушки, спетые Николаем, оказались пророческими: вскоре началась война, Николай попал на фронт и пропал без вести в июне 1942 года.

Писем от него не было долго, приходили они редко: «Мама, я чуть не дома, чуть не на задворках, только домой не побываешь. Здесь придется умереть». Это было последнее письмо Николая родным.

Николай был младшим из троих сыновей Федора и Анны Скворцовых из деревни Селянцево. Анна овдовела рано,

когда младшей дочери было всего два года. Тяжело было женщине поднимать восьмерых детей. А тут еще она непрошенная, страшная война. После начала войны в июне 1941 года были проводы на фронт сыновей Ивана и Михаила. Михаил к тому времени был женат, и у них с женой Любой четыре дня назад родился сынишка Леня. Вместе с братьями Скворцовыми отправлялись и Сенины. Ехали долго на лошади по каменке через Ильино, Слободку, а потом на пароме в Юрьевец.

В военкомат зашли сразу оба брата – Михаил и Иван, а семья в томительном ожидании осталась на улице. Вышли братья вместе. Иван говорит: «Мама, меня оставили, а Михаила возьмут на фронт». Сердце матери сжалось в комок, а в голове: «Как же Люба с маленьким сыном?!» И у неё в отчаянии вырвалось: «Ваня, может, тебя пусть возьмут, а Миша останется?» Иван, не задумываясь, вернулся обратно. Но решение райвоенкомата было неизменным: на фронт идет Скворцов Михаил». Это было жестокое военное время. К счастью матери, Михаил вернулся с фронта живым.

А Ивану пришла повестка через месяц. Он косил за деревней овес со своим другом Иваном Шальновым. Дома никого не было, кроме маленькой сестренки Зины. На другой день Иван отправился в военкомат. Остановившись у сестры в Валовских песках (этот населенный пункт потом оказался в зоне затопления), он дождался мать, вернувшуюся из Иванова. Так Скворцова Анна проводила на фронт последнего сына.

Сначала он находился в Гороховецких военных лагерях, и мать смогла навестить его там. От посещений у нее оставались очень тягостные воспоминания: большой лес, кругом темнота, и Иван, уставший и сильно похудевший. Находясь там, он постоянно помнил о своей матери и сестрах, оставшихся дома. «Мама, береги девчонок, тебе с ними жить. Перешей им мой новый костюм», – наказывал Иван матери. В последнем письме домой Иван написал: «Мама, нас посылают на передовую».

Погиб Иван Скворцов в бою 9 августа 1942 года.

Из воспоминаний младшей сестры братьев Скворцовых Пановой Зинаиды Федоровны (д. Селянцево):

«Однажды почтальонка отдает мне письмо с фронта. Мы вместе с ней прочитали его. В письме сообщалось: «Ваш сын в госпитале, тяжело ранен». Почтальонка говорит: “Если отдашь письмо матери, она умрет”. Я, тогда двенадцатилетняя девчонка, до смерти напуганная ее словами, порвала письмо и ничего не сказала матери. А позней, в один месяц, пришли одна за другой две похоронки, сначала на Николая, потом на Ивана. Я не решилась отдать их матери и спрятала на мосту под охлопками. Хожу сама не своя, а родные спрашивают: “Ты что, Зина, хвораешь?” А я молчу. Наконец, решилась показать похоронки своей крестной Любе, жене брата Николая. Они с моей сестрой Катей, которая жила в Настасьине, долго обсуждали, как сказать матери о смерти братьев. И вот, пригласив медсестру Веру Васильевну, женичины пришли к нам домой. Мама сидела на стуле, когда Люба протянула ей похоронки. Из груди мамы вырвался глухой стон, и она без чувств упала на пол. Сколько лет прошло, а эта картина так и стоит у меня перед глазами.

Закончилась война. Было начало мая. Помню, мы учились в школе, в деревне Настасьино. В школу неожиданно пришла фельдшер (тогда мы называли медичка) и сообщила об окончании войны. Наш учитель Борис Иванович разрешил нам пойти домой и сообщить родителям эту радостную весть. Мы не шли, а мчались, побросав свои портфели. Радостная я прибежала домой и запыхавшимся голосом крикнула: “Мама, война кончилась!” К моему удивлению, мама молча выслушала и, подняв на меня грустные глаза, тихо сказала: “А что мне, Зина, я своих сыночков не встречу”. Мама долго жила надеждой на встречу с ними. Помню, часто она повторяла в разговоре с соседями и родными: “Может, как оголовиться. Может, в плену, может что”. Я долго не понимала смысл необычного слова “оголовиться” и только позже поняла

смысл этого слова, вселяющего в человека надежду».

Парасковья Семеновна Букина из деревни Блудово овдовела очень рано. Осталась одна с семерыми детьми на руках: четверо сыновей и три дочери. Жила семья трудно. Дети понемногу подрастали. Еще до начала Великой Отечественной войны Парасковья Семеновна выдала замуж дочь Веру, женился сын Василий. Но начало войны нарушило все планы и надежды семьи. В первую же мобилизацию ушли на фронт старшие сыновья – Василий, Петр и Александр. Приходили от сыновей письма-треугольники. Всей семьей читали строки, полные заботы о матери, брате и сестрах: *«Привет с фронта от Букина В.И. Добрый день или вечер. Шлю я вам всем братский привет из фронтовой моей жизни. Я, во-первых, кланяюсь своей родной – маме, брату Николаю и сестрам, и Нине. Я еще шлю привет сестре Вере и племянницам Мане и Вале. Я хочу сообщить о том, что я, брат Коля, вашу открытку получил, за которую очень, очень благодарю вас, Коля. Вы пишете мне в том, что ходите учиться два раза в неделю. Это неплохо. Учись военному делу, что вам в дальнейшем пригодится. Коля, и я рад тем, что мама работает в тепле в яслях Коля пропиши мне, сколько вам дали картошки на трудодень и хлеба. Пиши письма чаще, мне очень скучно, если ваших писем нет от вас, Коля. Я на этом заканчиваю. Остаюсь жив и здоров. Того и вам желаю в вашей молодой жизни, и счастливо вам встретить праздник Покров. Погулять лучше, как мы гуляли, вам советую.*

Николай, передай всем моим родным по низкому поклону. За тем, брат Коля, до свидания. Я вам даю правую руку, но далеко, не достать до вас, Коля. С приветом Букин». (Это одно из писем Василия Букина своей семье от 9 октября 1943 года.)

В 1943 году ушел на фронт и последний из сыновей – Николай. А потом одну за другой получила мать три похоронки. Один из сыновей сгорел в танке, другой погиб в жестокой битве под Ржевом, а третий умер в госпитале от тяжелых ран.

На волосок от смерти был и четвертый сын, Николай. Он участвовал в прорыве блокады Ленинграда, был заведующим артиллерийским складом. Однажды Николай попал под сильную бомбежку, после чего восемь суток находился на грани жизни и смерти. Но сжалилась судьба-злодейка и не отняла у матери последнего сына. Вернулся Николай домой.

Всю оставшуюся жизнь Парасковья Семеновна тосковала по погибшим сыновьям: такое оно уж есть – материнское сердце.

Весна 1941 года. Деревня Левино. Парасковья Николаевна Фатина стоит на крыльце своего дома, проводив на вечерку сына. Она тихо садится на крылечко и кладет на колени уставшие за день руки. Все мысли матери о них, ее сыновьях, ведь их у нее пятеро. Как же быстро летит время! Старший, Александр, работает бухгалтером в колхозе «Путь к свету» (так назывался колхоз, в который входили деревни Левино, Соркопудово, Юрково и село Цыкино). У него уже своя семья, и у них с Дусей трое ребятишек, ждут четвертого. Алексей – кадровый военный в авиации, Константин служит в армии на западной границе, возмужал и семнадцатилетний Анатолий. И только младшенький, Виктор, беззаботно резвится с деревенскими мальчишками.

Мать гордилась своими красавцами сыновьями, а в глубине души глубоко сожалела о четырех доченьках, ушедших из жизни еще в младенческом возрасте.

В мае Александра, как и многих мужчин его возраста, Сокольский райвоенкомат направил в Гороховецкие лагеря на военные сборы. Поговаривали, что неспроста забирают мужчин на военные сборы, но каждый отгонял от себя страшную мысль о начале войны.

А в июне грянула война. И трое братьев Фатиных сразу оказались на разных ее фронтах. Пограничник Константин был тяжело ранен в первые же дни войны. Об этом сообщил Иван Епанчин родным в село Цыкино: встретил среди раненых, отправляемых в госпиталь, Фатина Константина с

тяжелыми ранениями. Вскоре семья Фатиных получила весточку от сына из госпиталя города Кирова. Через полгода Парасковья Николаевна встречала своего израненного сына. После тяжелых ранений Константин был негоден к строевой службе, он стал работать председателем колхоза «Путь к свету». Военное время жестоко: проводила Парасковья Николаевна на фронт четвертого сына. Анатолия вместе с Василием Чернобаевым из Цыкина взяли в морскую пехоту. Долго двигался на север поезд с новобранцами, перед глазами которых в окнах вагонов возникали страшные картины разрушенных немцами городов и деревень. Вот строки из письма, написанного с дороги родным Анатолием Фатиным в деревню Левино: *«...Дорогие родители, я вам сообщаю, что нахожусь в настоящее время в Волховстрое. Стоим, ждем вечера и поедem в Ленинград, а дальше в Кронштадт. Сейчас доехали до того, что днем уже ехать нельзя, близко фронт, слышны выстрелы и взрывы, а вечером очень страшно. Знаешь, Костя, я уже посмотрелся, что здесь напракажено, просто жуть, волосы вьются. Просто не знаю, как мы доедем до Волховстроя. Пока ехали, все было спокойно, только и есть страшно бомбежек, а пока еще не видали, а видали только старые, что до нас. Просто я думаю, что, кажется, не доедем, кажется, только уж хоть бы доехать, а там как-нибудь. А про дом так уж забывай и думать. Нам уже дома, наверное, не побывать»...*

«...Костя, чай, дома гуляет, но и я гулял бы, как требуется для человека, а я бедный уже больше, может быть, и вовсе не погуляю. Было время, я гулял, а он страдал, а теперь мне уже приходится».

Да, не пришлось больше побывать Анатолию дома, погиб он под Ленинградом. А на сердце матери осталась глубокая незаживающая рана. (В декабре 1988 года останки его и других погибших бойцов были перезахоронены в братской могиле города Солонцы Ленинградской области, где на обелиске среди других имен павших есть имя Фатина Анатолия Андреевича.)

Был тихий осенний день. Младший из сыновей Фатиных – Виктор увидел, как мимо окон прошла почтальон. Что-то несет она в семьи? Долгожданный треугольник с фронта или страшное известие-похоронку? Мать выбежала навстречу. А через минуту Виктор услышал страшный, раздирающий душу крик матери. Тогда Парасковья Николаевна узнала от почтальона, что в Цыкине Дусе Фатиной (жене ее сына Александра) она принесла на мужа похоронку, в которой сообщалось, что Фатин Александр пропал без вести под городом Ржев, где шли тяжелые кровопролитные бои. Как пережить матери еще одну такую тяжелую утрату? Но надо жить: на фронте воюет Алексей, зная, что дома ждет его мама.

Алексей прошел всю войну, был много раз тяжело ранен, так что однажды приходила на него похоронка. Наверное, много молилась мать за своих сыновей, потому что через две недели после похоронки Фатины получили от Алексея письмо о том, что он жив и продолжает воевать. В победном сорок пятом Алексей возвратился домой.

Шло время, в деревню продолжали возвращаться солдаты-победители. Ждала и Парасковья Николаевна своих не вернувшихся с фронта сыновей, ждала, несмотря ни на что! Знала она, что не так давно в деревню Содомово возвратился домой Голубев Александр, на которого родители получили похоронку.

*Все сокрушалась старая горько,
Не понимая смысла вполне:
Это ведь сын ее, а не иголка,
Как это мог он пропасть на войне?..
Бедная, сколько соседей просила –
В Кремль написать и в военную часть,
Там, может, что-то слышали про сына –
Не навсегда же он должен пропасть!
И ворошила в сердце запавший
Случай услышанный... Бабы твердят,
Что воротился вот также пропавший
Из заграничного плена солдат.*

*Вроде и на сердце повеселело,
Кажется, только вот крылья бы ей –
Так бы вспорхнула и полетела
К сыну за тысячу гор и морей!..*

Геннадий Красников

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

*Я пишу тебе с фронта, родная,
Поклонись от меня землякам.
Пусть они, как и ты, в меня верят.
Я землю врагу не отдам.*

Людмила Кириевская

Бережно хранятся в каждом доме фронтовые письма родных, похоронки, старые довоенные фотографии, как что-то самое дорогое.

Волнующей оказалась встреча автора этих строк с труженицей тыла из деревни Настасьино Чумаковой Валентиной Михайловной (в девичестве Семеновой) (1931 г.р.). Бережно хранит она письма, документы, фотографии той далекой военной поры. Ее отец Михаил Семенов и брат Геннадий не вернулись с фронта домой: брат пропал без вести, а отец умер в госпитале от тяжелых ран. С какой теплотой рассказывает она о единственном брате, который как будто вот здесь сейчас рядом с ней, а не пропал в далеких чужих краях, защищая Родину. *«Ведь он был так молод, всего 18 лет! Красивый мальчик со светлой кудрявой шевелюрой. Многие девушки были в него влюблены, а ему не нравился никто. Наверное, еще не пришло время полюбить, да так и не настало для братца время любви. Все отняла эта проклятая война! (Валентина Михайловна смахивает набежавшую слезу.) Умный, он был наш единственный братец. Ведь не зря ему, восемнадцатилетнему доверили на фронте командовать взводом. Скучал он по дому, поэтому писал часто».* Здесь Валентина Михайловна

раскладывает на столе треугольнички писем, содержание которых она помнит наизусть. Я читаю очередное письмо, а, если останавливаюсь, чтобы разобрать непонятное слово, она тихо подсказывает.

«Июль 8/7 – 1943 года.

Привет родителям от сына.

Добрый день. Здравствуйте дорогие родители, мама, сестры Вера, Валя и маленькая сестренка Надя. Всем вам шлю я горячий привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни. Недавно получил от вас письмо, в котором вы писали о Мирославском Николае, но на него ответ я вам дал сразу. Живу хорошо. Немцы ходили в наступление. Но с большими для них потерями вышли мы их обратно. Мама, много друзей-товарищей отправили в госпиталь, так что своих нет никого. Но я все же еще илжусь на передовой линии фронта и подстреливаю негодных фашистских стервятников, как утят. В общем, все пока хорошо и все благополучно. Питание сейчас даже очень хорошее. Спроси у старых фронтовиков, какое у нас питание, когда фрицы ходят в наступление или наши.

Затем до свидания. Привет всем родным и знакомым. Привет девочкам. До свидания. Пишите ответ. С приветом к вам ваш сын».

ЮРЬЕВЦКИЙ районный военный комиссариат
Ивановской области
10-08-1946
№ 1/1214
Ген. Юрьевец Ивановской области

установлен 23.8.42, Форма № 6/ВП

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш сын Командир отп.
сын, муж, отец, брат, должность
21. мл. Сержант
наименование части, воинское звание
Семенов
фамилия, имя, отчество
Генадий Мисаилович
уроженец д. Наставишино, Ваювского уезда
село, деревня, район, город, область
находясь на фронте, пропал без вести
в 6 октября 1943 г.
(число Месяц год)
Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства
о пенсии (применяя НКО СССР №
М. П.
Юрьевецкий Райвоенком
Начальник 1 класса
Ст. 1-й кл.

В 1943 году Семенов Г. М. пропал без вести

«С новым годом! Родная и любимая Аня и Слава. Поздравляю вас, дорогие мои, с новым 1943 годом и желаю вам в этом году наилучших успехов в вашей жизни и еще лучшего вам здоровья. Родная Анечка и любимый Славик, к вам обращаюсь я с горячим отцовским приветом. Вам, как самым родным и близким, я желаю хорошего в будущем 1943 году.

Милая Анечка, пишу тебе письмо и хочу от всей души тебе хорошей жизни. Родная любимая Аня, сильно я скучаю по тебе. Тяжелое время переживаем мы с тобой. Много хорошего счастливого времени пропало у нас с тобой. Несчастные мы с тобой. Детство наше с тобой, Анечка, было плохое. Счастливое время было у нас с тобой, когда мы нашли другую жизнь. Очень часто вспоминаю те счастливые дни, когда мы с вами находились вместе и разделяли вместе свою судьбу.

Хорошая жизнь была у нас с вами, но если (слово неразборчиво) и не верится сейчас, моя Анечка, что нам с тобой придется вместе пожить. Тяжелая обстановка сложилась. У меня один только вопрос к тебе, родная, не забудь меня, пока мое сердце работает, а, если оно перестанет работать, то смотрите сами, как вам лучше строить свою жизнь.

Прощай, любимая Аня, и Славик. Целую вас. Георгий».

Когда читаешь это письмо, то создается ощущение того, что Георгий прощается со своей семьей. Создавшееся ощущение не напрасно, это письмо оказалось последним: через две недели Георгий погиб под Ленинградом. А его Аня так и не построила свою судьбу. Она всю жизнь прожила одна, вспоминая счастливые предвоенные годы, прожитые в Ленинграде с любимыми мужем и сыном. Когда сын вырос, они не раз побывали на месте захоронения Георгия на Синявинских высотах в Ленинградской области. А это последнее письмо Анна Андреевна хранила всю свою жизнь.

А вот и новая встреча. Екатерине Ивановне Сергеевой из села Цыкино пришлось снова пережить волнение: еще раз прочитать письмо родного брата, присланное с фронта, и достать его фотографию.

«Привет от Кочнева М.! Добрый день или вечер. Здравствуйте, дорогие мои любимые родные папаша, мамаша, Зина, Гоня, крестница Катя и брат Володя. Папаша, я вам желаю всего хорошего вашей жизни и вашем здоровье.

Папаша, я сообщаю, что жив и здоров, того и вам желаю. Нахожусь на передовой, учусь на снайпера. Чувствую себя хорошо... Папаша, земляки есть ближние, есть с кем поболтать, в панику не бросаюсь, да и не бросался уже десятый месяц. Передавайте по привету всем нашим своим и знакомым, ребятам, девушкам и всем остальным. Писать больше нечего. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. Не извините, что плохо написал, то, что война и каждая минута дорога. С приветом к вам, целую крепко вас ваш любимый сын Михаил Иванович Кочнев».

Письмо датировано 4 февраля 1943 года.

Письмо Кругленева Алексея Павловича из деревни Черемисково сохранила Панова Зинаида Федоровна из деревни Селянцево, дальняя родственница Алексея. Написано оно в начале июня 1941 года, когда Алексей проходил действительную службу на Украине. Интересно оно тем, что из него мы узнаем о настроениях наших солдат перед началом войны и их готовности защищать родную землю.

Вот строки из этого письма:

«Привет с Украины в деревню Черемисково Кругленевой Ирине Петровне от вашего сына... Добрый день или счастливая минута. Здравствуйте все родные. Мама, Женя и Паша и посылаю я вам свой ласковый горячий привет, и желаю наилучших успехов в вашей настоящей жизни. Во-первых, я вам хочу сообщить в том, что я жив и здоров и вам того желаю. Во-вторых, хочу сообщить о своей жизни. Живу я пока ничего, ни чем не бьюсь, ничего и нет. Хлеба нам дают в столовой 800 граммов. На день не больно хватает, но уже стали к этому привыкать.

Скоро начнется война, уже здесь чувствуют. Здесь мимо каждый день везут эшелоны бойцов все ближе к границе.

На нас точит зуб Германия. Она к нашей границе надвинула тысячи своих солдат.

Нам уже выдали смертельный паспорт: такая круглая баночка, а в ней написана фамилия, имя и отчество, и домашний адрес. Она в бою будет с собой. Если, в случае, убьют, то по этой баночке сообщат домой. Вот, мама, какая наша история. А в бою я буду в первых рядах, потому что я пулеметчик и надо отбивать врага, чтобы не подошел к нашим.

Ну, у меня пока все. Теперь пишите мне ответ и прописывайте про свою жизнь, как вы живете. У вас сейчас рабочая пора, работайте в колхозе. Уж, а мне все равно, какая есть судьба, так ее не обойдешь, не объедешь... Ну, пока я на этом кончаю, пиши ответ, как получишь мое письмо. До свидания, с приветом к вам ваш сын Кругленев Алексей Павлович».

Да, судьбу не обойдешь и не объедешь. Погиб пулеметчик Кругленев на той далекой войне, напоминают о нем родственникам довоенная его фотография и это пожелтевшее от времени письмо.

Снова держу в руках фронтовое письмо и с волнением вновь и вновь перечитываю его строки. Это письмо о судьбе Яруничева Сергея Алексеевича, двоюродного брата моего отца Яруничева Виталия Ефимовича. Написано оно жене Таисии Матвеевне его фронтовым другом Лобановым И.А. 18 марта 1944 года.

«Таисия Матвеевна! На ваше письмо, на имя командира части от 12.02.44 г., отвечать пришлось мне, другу Сережи. Но факт обязывает набраться воли и сообщить вам и вашим сыновьям Алику и Вовику, что ваш муж и отец 2-х милых сыновей 24 января 1944 года умер в лечащем учреждении от тяжелых ран, полученных им в бою с немецкими захватчиками. Сережа был мой друг, я жил с ним в одной землянке больше года. Тяжела утрата. За смерть Сережи мы отомстили крепко. Наша часть за успех в боях по очищению Ленинградской области от немецких захватчиков награждена орденом Красного Знамени. С боями гнали немцев больше 250 километров, весь наш путь был усеян немецкими солдатами.

Сергея награжден боевой медалью “За отвагу” по приказу № 022/4 от 6 февраля 1944 года. С приветом И. Лобанов».

Сергей Алексеевич Яруничев похоронен в братской могиле
в Ленинградской области

И ТЫЛ БЫЛ ФРОНТОМ

Когда началась война, Катя Зирина (Городничина Е.К., д. Яблонное) работала ткачихой на фабрике в городе Кинешме, ей в ту пору было 16 лет. Страх и неизвестность перед непонятным словом «война» заставили девушку оставить работу на фабрике. Вместе с подружкой Капой Замысловой она вернулась в родную деревню Яблонное. А здесь были очень нужны молодые сильные руки, и девушек сразу отправили на лесозаготовки в деревню Родинка. Враг быстрыми темпами приближался к Москве, поэтому на левом берегу Волги рыли противотанковые рвы. Пришлось поработать и Кате Зириной на рытье окопов от д. Богданово (местечко Ключ) до д. Шишово.

Хорошо помнит Екатерина Кузьминична то время: промозглая земля с трудом поддавалась лопате, которую с трудом удерживали покрытые мозолями руки. Промокшие и озябшие, они к вечеру возвращались домой, падая от усталости. А утром снова туда – в траншею! Было трудно, но все понимали – так надо, ведь идет война.

В 1942 году Катя Зирина работает заправщиком горючего в колхозе «Прогресс». Мужчин и парней забрали на фронт, а нужно было сеять и убирать хлеб, выращивать картофель, и девушка пошла на курсы трактористов, организованные при Сокольской МТС. В мае 1943 года для Кати началась первая посевная, вместе с напарником Павловым Федором они выехали в поле. Работа у девушки спорилась, и напарник был ею доволен. 8 мая Катя вернулась с работы, ее встретила заплаканная мать и показала повестку из райвоенкомата. В ней сообщалось, что Зирина Екатерина Кузьминична должна явиться в военкомат. Там она узнала, что должна ехать в Крым, где нужно распахивать освобожденные от фашистов крымские земли. Из Сокольского райвоенкомата отправились три девушки, три Кати: Зирина, Макарова и Крылова.

В Иванове девушки потеряли друг друга. Девятнадцать суток добиралась Катя Зирина к месту назначения: где поездом, где на попутных машинах. И вот, наконец, она выехала в поле. То, что она увидела, трудно было назвать полем: изрытая снарядами земля, на которой еще встречались не приданные земле трупы погибших в боях солдат. Над полем стоял тяжелый запах, исходящий от разлагающихся тел. Но страшней было другое: идут трактора по полю, оставляя за собой ровные пласты земли, вдруг раздается страшный взрыв – один из тракторов со скрежетом останавливается, объятый пламенем и дымом. Это сработал один из неразорвавшихся в земле снарядов. Все трактора останавливаются, а трактористки с визгом убегают от страшного места. Отбежав на почтительное расстояние, они с ужасом понимают, что погиб еще один из их товарищей. Через силу, поборов страх, ободряемые кем-то из старших, девчата вновь садятся за рычаги

тракторов. Много погибло здесь людей. Разорвало снарядом и сменщика Кати Зириной, молодого парня.

Голод и холод – вот все, что каждый день ждало пахарей на разоренной крымской земле. Поэтому Катя долгоболела малярией. Неизвестно, долго ли работала бы Катя в Крыму, если бы не получила из дома телеграмму, в которой сообщалось о тяжелой болезни матери. Девушка вернулась домой. Мать вскоре умерла, и Катя осталась жить с больным отцом. Он не был взят на фронт по болезни, но все равно много трудился: изготавливал для лошадей седла и упряжь, которые отправлялись на фронт. Все дела легли на хрупкие женские плечи. Лошадей в колхозе не было, они были отправлены на фронт, осталась одна больная лошадь по кличке Европа. Поэтому многие работы выполняли на быках. Бык Руслан оказался слишком норовист и никому не хотел подчиняться. А когда однажды удалось запрячь его, бык разъярился и рванул обратно во двор, разбив сани. Пришлось колхозникам с ним распрощаться: сдали непослушного на мясо. Пахали, возили из леса дрова, возили с поля снопы на спокойном, покладистом быке Цыгане. Весной работы было много, а бык один, поэтому пахали женщины на себе. Целое поле за Яблонным они засаживали картофелем так: в оглобли вставляла Доведина Татьяна, за ручки плуга – Сидорова Анна. Сменяли их Федотова Татьяна и Катя Зирина. Подобным образом пахали и другие женщины.

После тяжелой работы на колхозном поле Катю Зирину ждала работа по дому: надо расколоть дрова, накосить сена, накормить скотину. Было тяжело, но молодость брала свое: ходила на вечерки, пела с подружками частушки, играла на балалайке. Трудолюбивую и веселую девушку приметил молодой парень Городничин Александр. А вскоре и свадьбу сыграли. В любви и согласии живут супруги Городничины уже более полувека.

Городничина Е.К.
на сенокосе
(крайняя слева)

Из воспоминаний труженицы тыла Акуличевой Галины Михайловны (д. Селянцево): «Я была тогда совсем девчонкой. Днем возила снопы к “Слошке” (молотилка зерна) и закладывала их в барабаны. Уставала очень, потому что “Слошка” работала очень быстро. Несмотря на это, меня будили в два часа ночи, и я шла на ферму, запрягала в телегу быка. Грузила молоко и везла на маслозавод. По возвращении забирала молоко у частников и снова – на маслозавод. Оттуда везла обрат и развозила его по деревням. Работала, как и все, за трудодни. На них давали горох, семя, картошку, рожь, пшеницу. На фронт я проводила двух братьев – Сергея и Александра. Александр с фронта не вернулся, пропал без вести в марте 1945 года. Как сейчас помню день возвращения брата Сергея: он зашел в комнату – высокий, красивый, вся его грудь была в орденах. А я расплакалась от радости».

«Нас у мамы было четверо: три сестры и брат, – вспоминает труженица тыла Груздева Надежда Арсен-

тьевна (д. Левино). – Хорошо помню трудные военные годы. Мне тогда было лет 15–16; столько же и моим подругам Фатиной Кате, Егоровой Клаве, Полежаевой Дусе. Нас, молоденьких девчонок, отправили учиться в город Кинешму в ФЗУ (фабрично-заводское училище).

Мы, деревенские, были очень робкими, потому что никогда не бывали в большом городе, всего боялись. А городские всегда старались посмеяться над нами и как-нибудь обидеть, например во время обеда набить нам по головам железной тарелкой. Поэтому мы убегали домой. За нами приезжали с милицией и забирали обратно. Иногда нам при появлении милиции удавалось убежать в лес. Милиционеры, пытаясь нас догнать, стреляли вдогонку. Наконец, за нами перестали приезжать, тогда колхоз направил нас на лесозаготовки.

На дворе стояла зима. Нам давали лошадь, помню, по кличке Ветер, и мы отправлялись в лес для выполнения различных работ. Весной боронили на лошадях: садимся на лошадь верхом, ноги ставим на оглобли и едем. Взрослые нас ругали, но мы были молодые, озорные и все равно продолжали так ездить.

Груздева Надежда
(д. Левино)

Надя Груздева за работой

В конце войны стала работать на колхозном птичнике, что был на берегу реки Ломня недалеко от деревни Левино. Когда я первый раз появилась на птичнике, то пришла в ужас: бегают 200 кур голодных, злых, наполовину без перьев. На моих глазах куры нападали на более слабых птиц и съедали их. Работала птичницей я одна. Постепенно выходила своих курочек, запасая для них известь, гравий, зерно, воду. Поздней число кур было доведено до полутора тысяч штук. Десять лет я ухаживала за курами. За хорошую работу меня часто премировали, одна премия мне особенно запомнилась – это красивая китайская скатерть».

ПУТЬ-ДОРОЖКА ФРОНТОВАЯ

На окраине деревни Пушкарево стоит, утопая в зелени, домик. Всякий в деревне знает, что живет здесь участник Великой Отечественной войны Харчевников Иван Дмитриевич.

Родился Иван Дмитриевич в 1920 году в деревне Пушкарево. Работал кузнецом в своем колхозе «Передовик». В ноябре 1940 года был призван на службу в армию. Служил в Литовской ССР в танковых войсках. Учился в полковой школе сержантов, но закончить ее не удалось: перебросили в ремонтный батальон под литовским городом Алитус. Только-только началась война с белофиннами. После

Военный шофер
Иван Харчевников

сражений остались сотни разбитых грузовиков ЗИС-5 и ГАЗ-2А. Работал по восстановлению этих машин в строй. Тогда и получил водительское удостоверение.

С первых дней Великой Отечественной войны Иван Дмитриевич стоял на защите родных рубежей. Сколько километров фронтовых дорог проехал военный шофер Харчевников!

Из воспоминаний Ивана Дмитриевича: «1942 год. Город Калинин. Морозной ночью колонна из 100 машин передвигалась к месту назначения. Соблюдались все меры предосторожности: фонари не зажигались даже в кабине, курить в пути категорически запрещалось. И все-таки на самом въезде на мост нас атаковали фашистские бомбардировщики Ю-87. С затяжным воем они пикировали на колонну автомашин. Загорелся один грузовик, второй, третий. На мосту образовалась пробка, горящие машины делали остальные грузовики прекрасной мишенью для самолетов. Огромные сугробы и узкая дорога не позволяли маневрировать. Медлить было нельзя. Решение созрело мгновенно: внизу на льду темнели колеи от машины, значит прошла полуторка. Мой грузовик осторожно съехал на лед и двинулся к противоположному берегу. Оставалось метров 20–25, когда лед треснул. Машина провалилась в полынью, и я едва-едва успел выскочить из машины. Но я выжил и добрался до своих. Отогревшись, отправился спасать затонувшую машину. Пригнали из части трактор, зацепили машину и вытащили ее. Я тут же слил масло и воду, чтобы не загубить радиатор».

Солдату не довелось воевать на спасенной машине. Его направили сначала в медсанбат, а затем включили в состав ремонтного поезда, который шел из Осташкова Калининской области. Здесь он воевал в 32-й минометной бригаде, которая вела ожесточенные бои под Старой Руссой Калининской области.

«Шли бои. Боеприпасы на исходе. Получили приказ ехать в тыл на базу с боеприпасами. Политрук начертил мне карту-схему, по которой ехать, и я один отправился в дорогу. База находилась в 8 километрах от передовой. За боеприпасами ездили ночью. Свет фар слабый, дверка кабины всегда открыта. Часто выходил из машины и проверял, туда ли еду. Ехал я долго. Вдруг к машине подбегает военный патруль: «Куда едешь! Здесь нейтральная зона, все заминировано! Мы отступаем! Возвращайся и пятайся

задом». Далее доехал нормально, разгрузил боеприпасы и вернулся в часть» (из воспоминаний Ивана Дмитриевича).

На многих участках Северо-Западного фронта побывала машина И.Д. Харчевникова. В Калининской области саперы для машин строили из бревен «узкоколейку», напоминающую железную дорогу. Случилось так, что Иван Дмитриевич на фронте оказался недалеко от своего брата Макара, который также воевал. Макар прислал брату письмо: *«Дорогой мой брат, я иду в атаку. Может, не останусь в живых, позаботься о моих детках»*. Больше писем от брата не было. Пропал без вести Харчевников Макар 22 января 1943 года.

Ветеран вспоминает: *«Я вез боеприпасы в свою часть. Ехать надо было через речку. Немцы все заминировали и вели обстрел из танков и пулеметов. Но ехать нужно, во что бы то ни стало: приказ есть приказ! Вдруг, я почувствовал резкую боль в области живота. А останавливаться нельзя: если осколок бомбы или пулеметная очередь попадут в снаряды, находящиеся в кузове машины, это все! И я повел машину дальше. По дороге я потерял много крови и сильно ослаб, но снаряды в часть я доставил вовремя»*.

Страшные воспоминания остались у ветерана от увиденного в концлагере Майданек, через который проходила его часть в 1945 году. Концлагерь был уже освобожден американцами. Он был обнесен бетонной стеной и колючей проволокой. В одном из бараков висели огромные котлы, в которых немцы варили трупы военнопленных на мыло. В другом бараке наши солдаты увидели виселицу с крутящейся балкой, на которой можно было повесить сразу несколько человек. В концлагере жили три огромных льва, которые были убиты пришедшими сюда американскими солдатами. Немцы бросали военнопленных, измученных пытками, в железобетонную яму, наполненную водой, и пускали туда львов. Огромные львы разрывали несчастных, что забавляло фашистов. Все увиденное поразило наших солдат: до какого изуверства нужно дойти!

Иван Дмитриевич до сих пор хранит металлический стаканчик, найденный в одном из барачков концлагеря, с номером «3759». Какова судьба хозяина этого стаканчика? Освобожден ли он американскими войсками, исчез ли за стенами этого страшного места, или лежит погребенным в могилах недалеко от этих стен?

Много военных дорог позади: Польша, Германия. Закончил войну Иван Дмитриевич у стен рейхстага. Много он получил благодарственных писем и наград: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Возвратился солдат в родное Пушкарево 28 мая 1946 года на своей полуторке ЗИС-5. В отчем доме его ждала только жена пропавшего без вести брата Макара с детьми. По-отцовски встретил солдата председатель колхоза Клюкин Осип Степанович и предложил ему работу бригадира полеводов. Работа нравилась, народ работающий, да и дел мужских накопилось много. А мужчин было на ту пору в деревне всего 5 человек. Приглянулась молодому парню красивая девушка Тоня, и они поженились. Скиталась молодая семья по чужим углам, а года через три купили хотя и старенький, но все-таки свой, дом. А позже Иван Дмитриевич построил новый дом, в котором живет и сейчас.

Вся трудовая деятельность ветерана связана с колхозом им. Ленина. Это он в конце сороковых годов вместе с председателем колхоза Клюкиным О.С. в течение месяца добывали в Москве грузовую машину «Опель» для колхоза, тогда носившего название «Передовик». Работал бригадиром тракторной бригады, когда председателем стал Яруничев В.Е.

Как вспоминает Иван Дмитриевич: *«Работали мы много. Изготавливали разные приспособления. Так из картофелеуборочного комбайна мы сделали машину, которая добывала торф, грузила и возила. Добывали за день до 100 кубометров. Вспоминаю великих тружеников механизаторов Пантелеичева Николая, Скрыбина Николая, Урядникова Анания, Семенова*

Александра, Сорокина Серафима. Они могли сделать на пахоте по две нормы, до 20 гектаров за смену. Один год возглавлял отделение во вновь образованном большом колхозе им. Ленина. Поздней три года работал в звене по заготовке торфа. Затем вернулся к любимой работе: сел за руль бензовоза.

Харчевников И.Д. на встрече со школьниками в Валовской средней школе

Сейчас ветерана уже нет в живых. Несмотря на преклонный возраст, больше 90 лет, Иван Дмитриевич продолжал трудиться, помогая сыну по хозяйству. Он не расставался со своей «фронтowej подругой» полуторкой, которая и сейчас стоит под окном его дома как напоминание о долгих фронтовых дорогах. В год 60-летия Великой Победы полуторка Ивана Дмитриевича проехала по улицам районного поселка Сокольское во время демонстрации 9 Мая.

Каждый год в День Победы в родительском доме собиралась большая дружная семья Харчевниковых: пятеро детей Ивана Дмитриевича и все его внуки. Все поздравляли ветерана с самым дорогим для него праздником и про-

ЗИС-5 Ивана Дмитриевича Харчевникова

износили главный тост: «За Победу!» Наверняка эта традиция в семье Харчевниковых будет жить еще много лет.

ФРОНТОВАЯ ЮНОСТЬ МАШИ ЕФИМОВОЙ

Автору этих строк посчастливилось познакомиться с замечательным человеком, ветераном войны и труда Марией Ивановной Букиной (д. Настасьино). Приветливое милое лицо, на котором глаза с искринкою и по-девичьи озорная улыбка. А ведь за ее плечами три с лишним года фронтовых дорог. Тяжело ей даются воспоминания о том тяжелом военном времени, когда она, тогда Маша Ефимова, вместе со своими сверстниками отправилась на фронт.

«В начале мая 1942 года нас, двадцать восемь девчонок Валовского сельсовета, вызвали в Юрьеvecкий военкомат. Каждый подвергся строгой проверке. А двенадцатого мая из 28 человек получили повестки только две девушки – я и Лиза Корнева (впоследствии Човпило Елизавета Васильевна). В

Горький нас везли на пароходе: были девушки с Унжи, Сокольского, а по дороге присоединялись девчата из Пучежа и других населенных пунктов на пути следования парохода. Очень многие по дороге плакали. А я почему-то не плакала, все говорила: “Какие мы вояки, вернут нас обратно домой”. С нами ехал один-единственный парень – Лусин Василий Федорович, который говорил всю дорогу: “Вот попал в вагон для некурящих”.

В Горьком привезли нас на окраину города и поселили в бараки недалеко от автозавода. Девчонки были одеты кто во что: две девушки-марийки в лаптях, а одна детдомовская босиком и постриженная наголо (из детдома ее уже выписали, и она бродяжничала). По обе стороны барака нары в два этажа и неширокий проход.

Вот тогда мы почувствовали, что такое война. Горький бомбили каждую ночь по несколько раз, особенно автозавод и мост через Волгу, а мы жили рядом. Нас поднимали по тревоге, и мы бежали в бомбоубежище. Бомбы рвутся, стреляют зенитки, сначала было очень страшно. Прибегаем в бомбоубежище, а там девчонки кто плачет от страха, кто молится. На второй день приезда нас ускоренно стали учить на шоферов. Учил нас мужчина, лет сорока, старший сержант.

Мы, девушки, плохо разбирались в знаках различия: у старшего сержанта – три треугольника, у младшего лейтенанта – один кубик. Из-за этого у нас однажды произошел курьезный случай. Нам объясняли, что докладывать всегда нужно старшему по званию. Однажды я была дневальной, а девушка из Горького – дежурной. Заходят к нам командир полка, полковник, и два политрука – наши и из соседней роты. Мы стоим и молчим. Полковник спрашивает: “Кто дежурный?” А я показываю и говорю: “Да вот Галька”. Он усмехнулся и говорит: “Ну что, Галька, докладывай”. Она глядела, глядела на них, а потом как крикнет: “Товарищ командир полка и два политрука, все трое вместе, смирно!” Они вытянулись, а потом как

рассмеются. Полковник говорит: “Хорошо, Галька, докладывать умеешь, трех командиров по стойке смирно поставила”. Смеху-то у нас потом было сколько!

Везде мы ходили строем. Рано утром умываться ходили на реку Оку. Наш старшина был вредным дядькой, только проснемся, а он командует: “Запевай!” Запевалой у нас была Лиза Корнева, и знали-то мы всего одну песню – “Пролетают кони шляхом каменистым...”

Проучились мы полтора месяца, получили обмундирование, приняли присягу, и отправили нас, молодых шоферов, на фронт. В городе Беломорске, куда нас привезли, началось расформирование по частям. Вызывали по одному, пригласили мою землячку Лизу Корневу. Оказалось, что нас с ней расформировали в разные части. Лиза громко расплакалась: “Не поеду без Маши Ефимовой!” Ей говорят: “Но, ведь ты теперь солдат и должна выполнять приказы”. А она свое: “Нам нельзя врозь, мы из одного сельсовета, вместе учились”. Так мы попали с Лизой вместе.

Нас, пять девушек, направили в 14-й батальон автороты аэродромного обслуживания. Поселили нас в землянке, где нары из неотесанных жердей, а из постели летом – шинель, а зимой – ватные брюки. Туалет мы копали себе сами. В первый год мылись мы на улице зимой и летом: загородимся елочками и поливаем друг друга. Потом построили баню, выделили день для мытья, и жизнь показалась нам раем.

Мы с Лизой сразу стали работать на машинах. Човпн-ло Григорий Васильевич был нашим помкомвзвода. Лиза с ним как-то быстро сблизилась, поэтому машину ей дали не очень старую. Надо признать, Лиза была хорошим шофером. Взаимные симпатии молодых людей переросли в любовь, и по окончании войны Лиза и Григорий прожили долгую счастливую жизнь, вырастив семерых замечательных детей.

Човпило Елизавета Васильевна и Григорий Васильевич

А мне дали такую развалюху, что она заглохла в первой же поездке. Хорошо, что встретился по пути наш шофер Кравченко, помог мне, отремонтировали мы машину. Служила моя “старушка” до конца войны.

Обслуживали мы на аэродроме бомбардировщики Пе-2, которые сами не заводились. В кузове моей машины стояла установка-стартер. На своей машине я подъезжала к самолету, заводила его с помощью стартера и перемещалась к другому самолету. Так я заводила все самолеты, вылетающие на бомбежку. Приходилось мне на аэродроме дежурить и на санитарном автобусе. Часто с задания возвращались раненые летчики, которых отвозили мы кого в свой лазарет, кого в госпиталь.

Когда я хорошо освоилась с машиной, ездила в Беломорск за снарядами и продуктами. Всякое бывало в таких поездках. Зимой замело снегом, а мороз 35–40 градусов, а иногда и все 50–52. Вот тут уже ни немцы, ни финны на ум не идут, только бы не замерзнуть. Машину время от

времени заводим, чтобы радиатор не замерз, а сами бегаем вокруг машины. А кругом лес и ни души вокруг: населенные пункты по Белому морю друг от друга километров на 40–50. Летом другая напасть: лес, болота, озера. Дорога трудная, “лежневка” называлась: это положенные вдоль деревья, а на них поперек положены деревья. Эту дорогу строили заключенные. Проедет по ней тяжелый транспорт, свезет деревья в кучу, и не проехать. Приходилось ворочать эти неподъемные деревья, чтобы положить их на место. До войны нога человеческая в этих местах не ступала. Но бои и в таких условиях не прекращались.

Хочется вспомнить один случай, произошедший со мной тогда. Молодость есть молодость. Приехали к нам в часть артисты, а меня посылают за горючим. Уж очень хотелось попасть концерт, поэтому я сильно гнала машину. От этого у меня слетела сошка руля, и моя машина, перелетев канаву, встала. Кругом были одни пни, казалось, совсем не выеду. Я взяла топор, срубила три пня, сделала из них мостик и выехала на дорогу. Горючее я привезла, а на концерт, конечно, не попала, потому что вернулась в часть в два часа ночи.

Наш Карельский фронт долго был в обороне, мы стояли на обороне Мурманска. Этот город бомбили часто, попало и нам. Потом фронт перешел в наступление. Восемь дней мы стояли под Тихвином. От этого города не осталось ни одного целого дома, кое-где стояли коробки домов, непригодные для жилья, кругом одни развалины. Мы думали, что будем прорывать блокаду Ленинграда, но нас передвинули на Ладожское озеро на защиту “Дороги жизни”. Немцы очень сильно обстреливали и бомбили Ладогу. Бывала под этими обстрелами и бомбежками и я. Регулировщицами на “Дороге жизни” были почти одни девушки, много их осталось в этом озере. Жили девушки-регулировщицы в утепленных палатках, но как ни утепляй, под тобой снег, лед и вода.

*Дорогой жизни шел к нам хлеб,
Дорогой жизни многих, к многим.*

*Еще не знают на земле
Страшной и радостней дороги.*

О. Бергольц

После Ладоги мы освобождали Норвегию. К концу войны нас, девушек, осталось только трое. Две девушки из Вологодской области уехали из части еще в июне 1945 года. А я стажировала молодых парней 1927 года рождения. Демобилизовалась я 28 августа 1945 года.

Имею награды: медаль “За победу над Германией”, медаль “За оборону Советского Заполярья”, орден Отечественной войны II степени, четыре благодарности за освобождение важных населенных пунктов Сульви-Ярви, Луистари, Киркенес, порт Пестамо-Печенега. Здесь, в Нижнем Новгороде, где я сейчас живу, мне присвоили звание “Почетный гражданин Советского района”».

Букина (Ефимова) Мария Ивановна
крайняя справа

ДЕТИ ВОЙНЫ

Уже не первый день идет эта жестокая кровопролитная война. Как огромный дракон забирает она одного за другим отцов, братьев, мужей. Летает горе и над Валовской землей: овдовели матери, осиротели дети. Враз повзрослевшие, они понимали, как трудно матерям, на хрупкие плечи которых легли все тяготы военного тыла.

Деревня Пушкарево. Начало лета. На полях колхоза «Передовик» зеленеют всходы. Пришла пора прополки льна. Дети лет десяти и младше с утра дружной гурьбой отправляются в поле. Здесь вместе со всеми трудится Нина Барашкова. Медленно идет время, но еще медленней поднимается солнце, на которое то и дело поглядывает Нина. Наконец, солнце показывает нужное время, дети срываются со своих мест и мчатся домой на обед. А после обеда опять это длинное нескончаемое поле льна.

Зимой Нине исполнилось 12 лет. С наступлением весны все взрослые уходили на работу в поле, а ей доверяли ответственную работу. Вместе с Анной Васильевной Грачевой они занимались с младшими детьми. А Мария Урядникова готовила детям обед из продуктов, принесенных родителями.

С началом осени Нина и ее ровесники работали на колхозном заводе. Днем подвозили снопы, а к ночи подавали снопы ржи или овса к молотилке, которую в народе называли «Слошка». Огромная машина работала очень быстро: дети едва успевали подносить и

Заничева (Барашкова)
Нина Ивановна

бросать снопы в барабан машины, а женщины – убирать отработанную солому. В один из сезонов Нина работала «на мешках» (после обработки снопов ржи или овса на «Слошке» из трех лотков машины ручьем текло зерно, рассортированное по сортам: первый сорт, второй сорт и отходы). Девочке нужно было своевременно наполнить мешки и убрать их. После такой работы дети приходили домой без сил.

Зимой редко удавалось поиграть в детские игры, покататься с горки. Ежедневно нужно было привезти с поля сено для колхозных коров. Словно воочию вижу, Нина Барашкова вместе со сверстниками едут на лошадях в поле, где стоят стога сена, занесенные снегом. Нина ловко забирается на высокий стог и сбрасывает сено вниз. Другие дети вместе со взрослыми грузят его на сани (навивают воз). Это было непростое занятие: воз должен быть высоким и устойчивым, сено уложено плотно, иначе оно рассыплется по дороге. Когда все сани загружены, уставшие дети возвращаются домой.

Сейчас ветеран труда Заничева Нина Ивановна (Барашкова Нина) с грустью вспоминает: *«Теперь уж и не помню, как забиралась на высокий стог сена. Когда мне исполнилось 16 лет, меня и других парней и девчат зимой посылали на лесозаготовки в деревни Козлово, Шероново, Мостовку, Пелегово»*. На лесозаготовках вместе с Барашковой Ниной работала и Фая Грачева (Сергеева Фаина Григорьевна, 1929 г.р., д. Пушкарево).

Из воспоминаний Сергеевой Фаины Григорьевны: *«Отправлялись мы в лес на две недели. Сено, овес для лошадей, продукты питания, рабочий инструмент (топоры и двуручные пилы) грузили на сани, и лошадиный обоз пускался в путь. В деревне Козлово жили на квартирах по несколько человек. Наши лошади квартировали во дворе дома, в котором мы остановились на постой»*.

С наступлением раннего утра мы ехали в лес. Там лес был разбит на небольшие участки, называемые “повера-

ми”. Группы молодежи становились на “поверы”, начиналась работа. Деревья стиливали поперечной ручной пилой, топором обрубали сучья, которые тут же жгли. На поваленных нами деревьях бракер делал мерки, и мы распиливали деревья на бревна нужной длины. Для вывозки бревен из леса (трелевки леса) сани готовились специально. С них снимались закрылки, на сани устанавливались колодки с зубьями. К саням крепились подсанники (небольшие санки), потому что бревна были гораздо длиннее самих саней. Бревна аккуратно укладывались на сани, с которых скатываться бревнам не давали зубья. Концы бревен крепились на подсанки. После чего лес вывозился на “ставеж” (укладку в штабеля).

Работали мы без обеда, возвращались домой к вечеру уставшие и голодные, в сырой одежде. Хозяйка квартиры готовила нам еду. Она была очень жадной, жалея свой самовар, никогда не кипятила нам чай. Воду для питья она кипятила в чугунке, который оставляла в печке до нашего прихода. Вода была чуть теплой, но мы были рады и этому, уж очень хотелось согреть простуженное на холоде горло. К утру следующего дня наша одежда высыхала, и тяжелый рабочий день начинался снова».

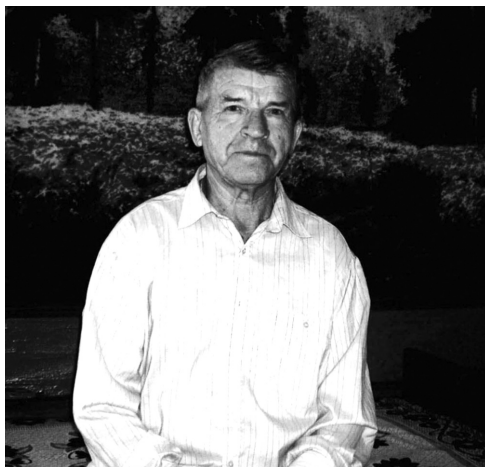
Поделится своими воспоминаниями и Семенов Александр Михайлович (д. Блудово), ветеран труда, кавалер ордена Трудовой Славы, детство и юность которого пришлось на трудные военные и послевоенные годы: «На лесозаготовках пришлось немало поработать и мне. В одну из зим мне дали лошадь, работа на лошади считалась большим везением. На лошади-тяжеловозе

Сергеева (Грачева)
Фаина Григорьевна,
1929 г.р. (д. Пушкарево)

я возил до 2 кубометров леса по дороге-льдянке на реку Моча. (Льдянка – это дорога, политая водой, специально подготовленная для езды по ней кованых лошадей с тяжелым возом леса.) За состоянием льдянки следил специальный человек. Эту обязанность тогда выполнял Новожилов Константин. На реке Моча лес складировали, а весной в половодье делали скатку (скатывали бревна в реку). Затем лес течением реки уносило в Волгу. Проработал я целую зиму и заработал себе на шапку-ушанку.

Вскоре двоюродный брат Калинин Евграф Николаевич, прекрасный кузнец, взял меня помощником. За полтора года работы я приобрел большие навыки в кузнечном деле. В восемнадцать лет мог подковать лошадь, оковать телегу, отремонтировать конный плуг. Болты и гайки мы делали в кузнице, сварки не было, поэтому все соединения деталей делали через горно. Горно (горн) – это кузнечный очаг с мехами и поддувалом для накаливания металла. Когда Евграф Николаевич ушел работать в Сенькино, я стал работать кузнецом. Молотобойцем со мной работал толковый и разумный человек Заничев Владимир. К зиме мы с ним перековали всех лошадей на лесозаготовку. В мае 1952 года я ушел в армию».

Ветеран труда, кавалер
ордена Трудовой Славы
А.М. Семенов
(д. Блудово)

На высоком берегу Горьковского водохранилища стоит маленькая деревенька Юрково, к которой сегодня со всех сторон подступает лес. А тогда, в довоенное время, это была большая оживленная деревня. Под горой протекала маленькая речка Ломня, а дальше в сторону Волги простиралось множество небольших озер и болот, носящих красивые названия: Благое болото, озеро Стайгош и другие.

Летом деревенские мальчишки с веселым гомоном спустились к речке, вдоль берегов которой располагались земляные валы (это место в деревне называли Подвалье). Здесь произрастало множество кустов малины и черной смородины. То-то раздолье для детворы!

Жила в Юркове семья Ивана Алексеевича и Татьяны Матвеевны Корниловых с матерью и четырьмя детьми. В лихую военную годину Ивана Алексеевича, как и всех в деревне мужчин, забрали на фронт. И вправду говорят, что беда не приходит одна. Все коренные жители Юрково помнят страшный 1944 год, когда разразившийся пожар уничтожил десять домов. На дворе стояла осенняя пора, селяне только закончили уборку картофеля. В семье Корниловых женщины собирались на мельницу. Пожар вспыхнул ночью, когда все спали.

Вспоминает Фатина Екатерина Ивановна, 1934 г.р. (в ту пору Кате Корниловой было одиннадцать лет): *«Бабушка подняла нас, всех детей. Меня и младших сестренку Алё с Валею она вытолкала из дома и велела бежать к часовне, что посреди деревни. В одной рубашонке я помчалась в темноту ночи, прижимая к себе сестренку. Мы присели у часовни, дрожа от холода и страха, а над нашими головами проносились искры пламени. (Часовня стоит в деревне Юрково и по сей день, как напоминание сестрам о той страшной ночи.) Старший брат Леша, подросток, помогал маме и бабушке. Они сумели вынести сундук, швейную машину и вывести скот. Упорно боролись с огнем женщины и дети, кто постарше, но свирепый ночной пожар оказался сильнее. Воды было недостаточно, ведь не скоро ее начерпаешь из колодца, а речка была далеко под горой. Сколько было*

слез и отчаяния! Жители сгоревших домов остались в чем были. Картошка, засыпанная в подполья, испеклась; сено, заготовленное на зиму, сгорело в огне. Нас шестерых приютили папины двоюродные сестры Милодора Григорьевна и Любовь Григорьевна, жившие в каменном доме. Но прожили мы там недолго. В трубе дома произошло возгорание от перегрева печи. Хозяйки забеспокоились, вспоминая страшный пожар. Пришлось нам перейти жить в баню.

Было голодно. Помню, бабушка Евдокия Матвеевна ушла в Цыкино в магазин. Мы, девчонки, бежим ее встречать. Бабушка обхватила нас, прижала к себе и тихо заплакала: ведь она не могла дать нам хотя бы по кусочку черного хлеба.

Нам совсем нечего было надеть, а нужно было идти в школу. Дали мне в сельсовете какую-то одежонку и шапку для мальчиков. В школе дети смеялись над моей шапкой, и я перестала ходить в школу. Однажды бабушка говорит мне: “Иди, сходи в Пушкарево, может, там что-нибудь подадут”. В Пушкареве я поднялась на крыльцо первого попавшегося дома, оттуда послышался звук играющей гармошки. Он враз остановил меня, и я не решилась открыть дверь дома. Не хватило мне решительности зайти и в другие дома. Домой я возвратилась ни с чем.

Что только не приходилось нам, детям, делать в эту лихую годину, чтобы выжить: я неумело боронила картофель деревянной бороной, жала серпом рожь, теребила лен. Старший брат Леша пас свиней, овец. Он был единственным мужчиной в семье, чем гордился, и в одно лето он отказался пасти овец. “Пусть Катька пасет”, – сказал он маме, как отрезал. И пришлось мне пасти овец. Непослушные овцы спускались вниз к реке и неслись на хорошую траву, пастьба на которой запрещалась. Мне порой не хватало сил согнать оттуда непослушное стадо. Так было каждый день. Иногда я отказывалась пасти, тогда отчаявшаяся уговаривать мама гнала меня палкой».

Продолжает рассказ Матаруева Алевтина Ивановна (1939 г.р.), сестра Екатерины Ивановны Фатиной:

«Мы, младшенькие, не знали игр и забав. Надо было выживать, и мы трудились. Когда бабушка с мамой пололи лен, мы были на поле. Бабушка связывала тяжелую траву в маленькие ноши, а мы несли их домой, чтобы потом высушить на корм скоту, приносили и возвращались в поле за очередной ношей. Сколько же проходили тогда за день наши босые ноги! Не счесть... Помнится только сильная усталость и боль в плечах, натертых веревкой, и бесконечное ожидание маминых слов: “Ну вот, на сегодня все”».

Вокруг Благова болота был сенокос. Когда он заканчивался, мы с бабушкой спускались из деревни туда. Она жала серпом траву, оставляя на кочках и около кустов, а я и сестренка Валя вязали ее в ноши и несли домой, поднимаясь вверх по высокому косогору. Хлеба не было. Мы ходили в поле, собирали клеверные сосульки, а мама высушивала их и, измельчив, пекла хлеб.

Однажды мы с Валею нарвали по корзине клеверных сосулек и, проходя мимо ржаного поля, сорвали по колоску.

Сестры
Матаруева Алевтина Ивановна (слева),
Фатина Екатерина Ивановна (справа)

Нас увидел председатель колхоза дядя Костя Фатин и, решив, что мы набрали по корзине колосков, побежал нас догонять. Мы мчались домой, не помня себя от страха. Помню, забила я под мост в самую темноту.

Летом, когда поспевали на Подвалье ягоды, мы, дети, спускались туда, набирали ягод и отправлялись в Слободку продавать их. Доро-

га шла лесом, поэтому мы шли, прислушиваясь к каждому звуку, боязливо озираясь по сторонам.

В 1947 году пришел с фронта папа, и жизнь стала постепенно налаживаться».

Деревня Селянцево – некогда шумная и могущественная. Выйдешь на крутой берег Волги, и невольно встает перед глазами такая картина. На пологом спуске к воде автомашины, с груженными телегами лошади и много-много людей, которые вглядываются вдаль. Вот из-за мыса выплывает самоходный паром СП-1 (в народе его так и называли попросту – СП). Глухо урча, он медленно приближается и осторожно причаливает к берегу, спускает трап. Вначале неторопливо заезжает автотранспорт, затем люди спешно заполняют палубу и трюм. По окончании посадки паром так же медленно отчаливает, его путь лежит через Завражье в Юрьево.

Память старожилов хранит и другие воспоминания. До образования Горьковского водохранилища, спускаясь в Селянцево с крутой горы, можно было попасть в очень частый ольховый лес, в народе – «елошник». А за «елошником» большой березовый лес, который произрастал на болотистой местности с множеством кочек. Сюда-то и ходили жители за клюквой. Жизнь в деревне текла тихо, размеренно. Но и сюда, в этот тихий уголок валовской земли, докатились отзвуки войны. Один за другим уходили на фронт мужчины. Проводили на фронт старшего сына Николая и в семье Ивана Ивановича и Татьяны Васильевны Сорокиных. Колхоз «Путь к социализму» и до войны был небогатым, поэтому колхозникам жилось трудно, на трудодни получали крохи.

Из воспоминаний ветерана труда Соповой Анны Ивановны (в девичестве Сорокиной, 1931 г.р., дочери И.И. Сорокина):

«Когда началась Великая Отечественная война, я окончила первый класс. Учились мы в деревне Настасьино в двухэтажном каменном доме. Хорошо помню своих учителей – это Минский Борис Иванович и Смурова Анна Павловна. У нас не было тетрадей, их выдавали только на урок.

Дома я и мои сверстники выполняли письменные домашние задания кто на чем: я между строк на старой книге, а другие ребята – на газетах или на дощечках. Продолжать обучение по окончании 4 классов нужно было в школе села Покров, до которого 8 километров. Никто из моих одноклассников дальше учиться не пошел, не потому что не хотели, а просто нечего было надеть, не было ни одежды, ни обуви. Мой папа был образованным человеком (он работал секретарем Валовского сельсовета) и очень хотел, чтобы я дальше продолжила свое образование, но отправить меня одну так далеко в школу родители не решились. Так закончилось мое образование.

Все детство прошло в труде. В летнее время мы работали с матерями в поле, пололи и теребили лен. Мальчики выполняли разные работы на лошадях, на быках вывозили навоз. Зимними вечерами нас, девочек, учили прясть. Работали мы и на обмолоте снопов: подносили снопы к конной молотилке. Расстилали лен, околачивали его после сушки вальками¹, ходили сажать картофель. Когда приходило время бить на маслобойне льняное масло, нас родители посылали продавать его в город Юрьевец. Чтобы переехать через Волгу (тогда не было Горьковского водохранилища, а Волга была неширокой), спешим на паром, который буксировали старенькие буксиры “Межа” или “Север”. В Юрьевце мы покупали льняное семя, которое несли на маслобойню в Грязовец, чтобы получить очередную порцию масла. Путешествие в Юрьевец повторялось снова и снова. Было голодно, поэтому приходилось есть колоколец, мякину² и дуранду³.

Подростками работали в лесничестве⁴. Недалеко от деревни Грязовец на месте вырубленного леса мы копали

¹ Валец – длинный, плоский, слегка выгнутый, по одной стороне ребристый брус с рукояткой для катания белья на скалке, для выбивания его при стирке.

² Остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье.

³ Остатки семян льна после отжимания из них масла.

⁴ Лесничество – это участок леса, как хозяйственная единица.

мотыгами ямки, ровно по веревке, и сажали в них саженцы елей. Лесник Дмитрий Иванович Чумаков тщательно проверял нашу работу. За три года работы в лесничестве я успела поработать и под Мостовкой. Сколько лет прошло! Теперь наши посадки уже не узнать, это большой могучий лес. А может, этот лес уже выпилили предприимчивые люди... Кто знает? Лет восемнадцати нас, молодых, стали посылать на лесозаготовки. Жили мы в Черемискове, что в пяти километрах от Селянцева (Черемисково оказалось в зоне затопления) и пешком ходили в лес еще километров за пять. Обратно приходили затемно.

В один из годов через две недели после трудной зимней работы в лесу меня повесткой призвали работать на шпалозавод в деревню Слободка (она находилась в шести километрах от Селянцева и тоже оказалась в зоне затопления). Вместе со мной на шпалозаводе работали из Селянцева Захарова Маша, Волков Витя, Шура Урядникова из Пушкиарева и Валя Опарина из Содомова. В нашу обязанность входила погрузка шпал в четыре ряда на тележку, которую по рельсам мы должны были откатить в определенное место и разложить в штабеля, в каждый шпалы размещать под нужным номером. Так мы отвозили – день шпалы, а день горбыль (горбыль – это крайняя доска при продольной распилке бревна, с одной стороны выпуклая). Однажды чуть не случилась беда: видимо, неровно уложенные шпалы посыпались с тележки, и я еле успела отскочить в сторону. Работала я на шпалозаводе один сезон».

Сопова (Сорокина)
Анна Ивановна

Семь с небольшим десятилетий прошло с тех пор, как Анатолий Александрович Курганов (1937 г.р., уроженец деревни Рыжково), тогда еще пятилетний мальчик, попрощался с отцом, уходящим

на фронт. До сих пор память Анатолия Александровича хранит эти детские воспоминания. Вот идут они по дороге втроем: отец Александр Николаевич, мать и он, Толик. Идут медленно, чтобы как можно дольше не настала последняя минута прощания. Отец берет мальчика на руки, скоро Овечье болото, где он простится с семьей, как потом окажется, навсегда (Александр Николаевич Курганов пропал без вести, защищая Ленинград).

Возвращаются Толик с мамой вдвоем, мальчику весело, он идет, напевая, и не понимает, почему мама плачет и плачет, часто вытирая вспухшие от слез глаза...

Началась безрадостная жизнь без папы: мама вся в заботах, всегда грустная, а при появлении почтальона она застывала у окна в ожидании страшной вести с фронта. Мальчик был у родителей один, мать держала корову, поэтому он не испытывал голода, как другие дети из многодетных семей, оставшиеся без отцов.

С 10–12 лет мальчики в деревне Рыжково работали на лошадях, научившись довольно проворно запрягать их. Толик всегда работал с другом Леней Зиминим. По зиме они возили на лошадях сено на Глазовую гору, а обратно – зерно. Дорога долгая, на санях сидеть холодно, поэтому друзья поочередно бежали за санями, чтобы согреться. А дома они сбрасывали с себя промерзшую одежду и забирались на печку, чтоб быстрее согреться. А как не любили мальчишки ездить на мельницу на быках! Бык такое упрямое животное: идет, идет, вдруг, остановится и не двинется с места, как ты ни старайся.

Были у Толика и радостные моменты, когда на окраине Рыжкова появлялся трактор. Это громохочущее и пышущее жаром «чудище» на четырех металлических колесах с зубьями вызывало у мальчика неопишуемый восторг и огромное любопытство. А когда тракторист Сергей Круглов посадит на колени и прокатит за околицу, радости мальчика не было предела. С тех пор Толик полюбил трактор навсегда. С 14 лет работал сначала прицепщиком, а когда подрос, получил права и стал работать на тракто-

Курбанов А.А.
(60-е годы XX века)

ре. Долгие сорок два года не расставался Анатолий Александрович со своим механическим другом.

Дети военных лет... Сколько выпало на их долю! Потеря родителей, голодное детство, суровая юность. Они мужественно выдержали все. Хочется низко поклониться им при встрече. И пусть их головы седые, в душе они остаются по-прежнему молодыми и по-прежнему, как в юности, радуются жизни.

ЛЮБОВКИНО СЧАСТЬЕ

Любовка... Звучит шутиливо, но в то же время по-доброму, ласково. В детстве, юности и сейчас, хотя ей за восемьдесят, она всегда – Любовка. Это Любовь Дмитриевна Зирина из деревни Кошкино – женщина с непростой, полной трагических событий судьбой.

Родители Любовки Дмитрий Федорович и Анастасия Корнильевна Павловы работали в колхозе «Волга» (так в тридцатые годы прошлого века назывался колхоз в деревне Кошкино). Дмитрий был на все руки мастер: хорошо разбирался в плотницком и столярном деле (однажды он сделал даже балалайку), поэтому односельчане часто обращались к нему за помощью, зная – Дмитрий сделает на совесть. Был за Дмитрием один грех: часто и нещадно избивал он свою тихую и кроткую Анастасию. Из-за чего дети, а их было четверо, с опаской, прислушиваясь, заходили в дом.

Вот и сегодня отец снова «бушует», а несчастная мать, обессиленная, лежит на полу. Старшая из детей, Любовка, сгребает младшеньких в охапку и бежит с ними за огороды подальше, чтобы не видеть эту страшную картину. Любов-

ка как могла успокаивала плачущих детей, незаметно смахивая со своих щек ручьем бегущие по ним слезы.

Так бы и шла жизнь в семье Павловых своим чередом, если бы не страшный июль 1941 года. Отца в 1942 году забрали на трудовой фронт под Ленинград. Однажды он приходил домой на побывку. После чего был направлен на передовую на Киевский фронт.

Оставшаяся одна с четырьмя ребятишками Анастасия, как и другие женщины, трудилась с раннего утра до позднего вечера. Дети во всем помогали матери. Старшей Любовке было четырнадцать лет, она-то и была главной помощницей матери.

В 1944 году пришла на отца похоронка, в которой сообщалось, что Дмитрий Павлов пропал без вести. Позже вернувшиеся с фронта односельчане рассказали, что во время одного из боев им пришлось отступить. Дмитрий в это время охранял важный военный объект и не имел права покинуть свой пост. Так поселилось горе в доме Анастасии Павловой и ее детей. А надо было выживать, несмотря ни на что. Пришлось Любовке испытать тяжелый труд на лесозаготовках.

Конец зимы 1945 года. Любовка со своей подружкой Сашей Абрамовой возвратились домой с лесозаготовок. А дома снова беда: мама тяжело заболела. Анастасия еле вставала с постели, она очень тосковала по мужу. После 9 мая женщина подолгу стояла у окна, с надеждой вглядываясь вдаль: вдруг вон тот солдат, спешащий по дороге в деревню, он, ее Дмитрий. Юная Любовка, еще не испытывавшая чувства любви, наблюдая за матерью, думала: «Разве можно так тосковать по человеку, который был с тобой так безжалостен и жесток?»

Матери с каждым днем становилось все хуже и хуже, видимо, слишком непосильна оказалась для нее тяжелая вдовья доля. И в начале июня ее не стало. Так дети Павловы остались совсем одни. Старшей, Любовке, — шестнадцать, младшему, Ванюшке, — семь лет, а всего их в доме четверо.

Судьба осиротевших детей взволновала всех. Кошкинский сельский Совет принял решение о направлении их в детский дом. А это значит, они окажутся в разных детских домах. Односельчане понимали, что нельзя разлучать этих детей, тем более старшая была самостоятельной девушкой. Еще при больной матери она вела все домашнее хозяйство: ведь они держали корову, овец, поросенка. Жить бы детям Павловым в детских домах, если бы не их соседка Егорова Евдокия Макаровна, которая работала в Сокольском отделе народного образования. Благодаря ее настойчивости было принято решение не направлять их в детские дома. Так все дети остались жить в родительском доме. Они получали пенсию за погибшего отца 230 рублей, хлеб по карточкам по 400 граммов на человека, держали скотину. Сестра отца Александра Федоровна Анкудимова как могла помогала детям, хотя была у нее своя большая семья. Часто заглядывал к детям и колхозный бригадир.

Верно говорят в народе: «Где тонко – там и рвется». Дом, где жили дети Павловы, стал рушиться. (Ведь еще перед войной отец заготовил лес для строительства нового дома.) Встанут они поутру, а на скамье снег лежит. Пошла Александра Федоровна в сельский Совет просить о помощи. Председатель Сисин Александр Васильевич не остался безучастным. Он написал о судьбе детей в Москву. Ответ пришел быстро. После чего колхоз прислал плотников, они из заготовленного леса срубили сруб, покрыли крышу соломой, которую выделил колхоз. Помогали в строительстве и сами дети. Это она, Любовка, целый омет сена связала в пучки, чтобы ими покрыть крышу дома. Плотник Иван Васильевич Федотов хорошо пробил избу: пусть в доме, где живут дети, будет тепло. Печники быстро сложили печку. Так Павловы стали жить в новом доме.

Трудно жилось детям одним, каждый день проходил в трудах и заботах. Но главное – они вместе! На Любовкиных плечах держалась эта дружная детская семья. Любовка научилась всему: сама пахала, косила, заготавливала дро-

ва. А для младшеньких она была и мамой, и папой. Рано научились косить и братья Федор и Иван. Мальчишки росли смышлеными, хорошо, как когда-то отец, мастерили из дерева разные поделки. Научились они делать деревянные грабли и противни. В четырнадцать лет Ванюшка сделал табуретку, которая хранится в доме до сих пор.

Быстро летит время. Пришло время Федору отправляться в армию. Зная, что младший брат растет слабым и болезненным, наказывает сестре: «Не поряди Ваньку в пастухи». А через три года пришел черед идти в армию Ивану, но оказалось, что он ростом маловат. Пришлось ему подрасти еще на один сантиметр, тогда и пошел в армию. Так братья один за другим отслужили в армии и возвратились домой, в родное Кошкино.

Сама же Любовка к двадцати годам расцвела, как маков цвет. Как ни устанет за день, а все равно бежит со своими ровесниками на вечерку. Все любили ее за ум, покладистость и веселый нрав. Многим парням нравилась эта общительная красавица, но никто не решался связать с ней свою судьбу: кому нужна сирота, как тогда говорили, «голь перекатная». Может и осталась бы Любовка одинокой, но судьба распорядилась иначе.

Шел 1933 год. Деревня Яблонное, что от Кошкина рукой подать. В этот год по деревне прошелся тиф. Многих подкосила эта страшная болезнь. В семье Зириных перенес эту болезнь шестилетний сын Андрей, получив очень тяжкие последствия. Мальчик лишился голоса и слуха. Родители потеряли покой, пытались показать мальчика разным врачам, бабушкам-повитухам – все тщетно. В деревне Слободка (сейчас эта местность находится в зоне затопления Горьковского водохранилища) работал в больнице всем известный профессор Казнин. Он был последней надеждой родителей Андрея. На прием к врачу Андрея привела бабушка. Профессор внимательно выслушал женщину, осмотрел мальчика. Его заключение прозвучало как приговор: «Никуда не езди. Мальчик не будет ни говорить, ни

слышать. Радуйся, что не сопливый и не дурак». Пришлось родителям смириться с недугом сына. Андрей учился в Кинешме в спецшколе в течение двенадцати лет, где учился шить обувь. По окончании спецшколы он вернулся домой в Яблонное. Это был уже не робкий, забитый всеми мальчишка, а красавец-парень в полном расцвете сил.

Молодежь из деревни Кошкино часто собиралась на вечерки в чьем-нибудь доме, здесь играли в карты, шашки, вели разговоры. Приходил туда и Андрей. Девчата нет-нет да задерживали взгляды на красивом лице Андрея, но страх перед его недугом заставлял их держаться подальше от этого парня. Бывало, что поссорятся парни из-за мелочи, слово за слово, и ссора перерастает в потасовку. Начинается драка – не поймешь кто кого.

Любовка хорошо помнит один из таких дней 1948 года, когда в такой вот потасовке сильно разбили Андрею лицо. Она взяла свой носовой платок и нежно вытерла им лицо парня. Не привыкший к вниманию девушек Андрей растерялся от неожиданности, а потом надолго задержал на девушке полный благодарности и признательности взгляд.

Из воспоминаний Любове Дмитриевны Зириной (Любовки): *«На другой день он пришел в наш дом погулять. Пришел и не ушел. Долгие десять лет каждый день приходил Андрей в мой дом и подолгу смотрел на меня влюбленным, преданным взглядом. А в 1958 году после Михайлова дня мы встали под венец. Цыкинская церковь была полным-полна народу. Всем хотелось посмотреть, как будет венчаться глухонемой. Священник Александр Иванович Дроздов прочитал Евангелие и посмотрел на меня глазами, полными слез. Я держалась изо всех сил, но непрошеные слезы лились и лились из моих глаз, как в той песне поется:*

*Из глаз ее горькие слезы
Ручьем потекли на лицо.*

Свадьбы у нас не было. Надо сказать, что все мои родные были против моего брака с Андреем. “Человека язык кормит прытко”, – убеждала меня моя тетя. И только

двоюродный брат Юрий Анкудимов принял Андрея, за что я ему очень благодарна всю свою жизнь. Научились мы с Андреем понимать друг друга с одного взгляда, с одного жеста.

И только однажды в жизни я не могла понять Андрея. Это произошло, когда у нас родилась дочка Наденька. Андрей замкнулся в себе. Я чувствовала, что-то терзает его, и этим чем-то он не может со мной поделиться. И только когда дочка начала произносить первые слова, Андрей стал снова прежним: веселым и жизнерадостным. Тут я поняла все: он страшно боялся, что девочка могла родиться с таким, как у него, недугом.

Я трудилась в колхозе. Работали мы много. За день я могла перевезти на лошади до 9 тонн картофеля, погруженно-го в двуручные корзины. Грузила их на телегу одна и одна сгружала с нее. Во время уборки льна я трепала трепалом¹ лен по 13 кг за день. Двадцать лет отработала дояркой на Кошкинской молочнотоварной ферме. Любила я очень лошадей. Я часто объезжала жеребят. Эту работу и мужчина не каждый мог выполнить. Они, видимо, чувствовали это, да и рука у меня крепкая, поэтому подчинялись мне. За время работы в колхозе я извездила четырех лошадей. Помню, был у меня молодой красавец-конь Гусар. Катался он по лугу во время пастьбы и разрезал лежащим в траве железом плечо. Пришлось Гусара отправлять в лечебницу. Ехала я на запряженном в телегу Косматом, а Гусар послушно шел сзади, привязанный к телеге. К моей радости, рана Гусара зажила быстро, и я потом еще долго пахала на нем.

Я выросла в верующей семье. Думаю, что не только помощь окружающих, но и вера в Господа Бога помогла нам пережить сиротство и страшное военное время. Посещение храма было для меня не просто традицией, а необходимостью: духовные песнопения затрагивали глубокие струны моей души, внося в нее успокоение. Тридцать лет я

¹ Трепало – это ручное орудие для трепания льна.

пела на клиросе¹ в храме Вознесения Христова села Цыкино.

Мой Андрей был мастеровой человек: работал по металлу, выполнял плотницкие и столярные работы. Все по дому он делал сам. Однажды для дочки Нади он сделал из проволоки погремушку, ставшую одной из любимых игрушек дочери. Андрей много читал, красиво писал и любил рисовать. Мы вписывали много газет и журналов. Среди них журнал “Наука и жизнь”, потому что Андрей был любознательным человеком. Впрочем, жила я за Андреем как за каменной стеной. Вместе с ним мы работали в колхозе. Пятнадцать лет Андрей возил молоко на сепаратор² в Дмитриевское. В ту пору автомашины были редкостью на деревенских дорогах. Повстречалась Андрею автомашина, лошадь перепугалась и рванула в сторону. Телега с флягами опрокинулась и накрыла Андрея. К счастью, он сумел благополучно выбраться.

Семья Л.А. Зириной

¹ Клирос – место в церкви для певчих на возвышении по обеим сторонам перед алтарем.

² Сепаратор – аппарат для изготовления сметаны.

Давно уже нет моего Андрея, умер он от рака легких. Но до сих пор я чувствую его присутствие рядом. Поэтому что ни одного человека никто не любил так, как Андрейка меня. Даже косо никогда не поглядел».

Молодыми ушли из жизни и братья Любви Дмитриевны. Но, несмотря ни на что, она и сейчас, как и прежде, жизнерадостна, а ее память – кладезь народных преданий, шуток, потешек, забав.

*Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.*

Так это о ней, о Любровке, о Любви Дмитриевне Зириной из деревни Кошкино.

КАТЕРИНА

С Екатериной Васильевной Калининой, труженицей тыла, вдовой участника Великой Отечественной войны, впервые я встретилась у общих знакомых. Эта скромная, немолодая женщина сразу расположила к себе своей простотой и добрым, материнским к себе отношением. Оказалось, что родилась она за год до революции, в ноябре 1916 года, потеряла на фронте любимого мужа и была старейшей жительницей Валовского сельского Совета. Решение познакомиться поближе с Екатериной Васильевной возникло сразу, захотелось записать ее рассказы о пережитом. Она стала моей первой собеседницей, с которой я начала собирать свою летопись бесценных воспоминаний жителей валовского края.

Волнуясь, я взяла в руки довоенную (1938 г.) фотографию ее мужа Никандра – какое красивое, волевое лицо! Мне очень хотелось посмотреть, а какой же была юная Катерина? С фотографии на меня смотрела кроткая девушка, короткое женское счастье разрушила эта жестокая война. Я долго вглядывалась в эти молодые лица, и в голове возникли строчки песни:

*Какой бы мы красивой были парой,
Мой милый, если б не было войны.*

Неторопливо текла наша беседа. Иногда рассказчица замолкала, её взгляд уходил в сторону – она вспоминала волнующие картины прошлого...

Родилась Катя в деревне Блудово в семье бедных крестьян Пантелеичевых. Родилось в семье 11 детей, которые умирали через год после своего рождения, и только Катя не разделила со своими братьями и сестрами их участь. (Здесь я говорю, прервав рассказчицу: *«Господь дал тебе такую долгую жизнь, чтоб прожила ты ее за всех братьев и сестер»*). Она мне молча кивнула в знак согласия.)

Девушка рано познала тяжелый крестьянский труд, ведь она для родителей была единственной помощницей. Когда в Блудове стали создавать колхоз, для семьи Пантелеичевых настали тяжелые времена, потому что отец

Кати отказался вступать в колхоз, как и многие жители деревни. Посему постановили отобрать у семьи удобренную и ухоженную землю. Однако односельчане защитили семью, и колхоз постановил выделить Пантелеичевым землю. Участок находился в районе Валовского хутора, земля на нем песчаная, малородимая. Два года семья пользовалась наделом, собирая мизерный урожай. Отказались Пантелеичевы от участка, тогда колхоз забрал у них лошадь с упряжью и увеличил размер налогов. Се-

Катерина Пантелеичева
30-е годы XX века

мья не смогла заплатить необходимую сумму, тогда колхоз забрал корову.

Катя осталась без отца рано, когда ей было 5 лет. Поэтому они с мамой делили все горести и беды. Когда ей исполнилось 14 лет, Катя решила пойти работать на завод «Красный Профинтерн», что находился на левом берегу Волги напротив Юрьевца. (Сейчас это место покрыто водами Горьковского водохранилища.) Но на работу девочку не брали, слишком мало лет. Тогда ее мама пошла в сельский Совет с просьбой, прибавить дочке лет. Справку Кате выдали с указанием возраста – 21 год. Только тогда ее взяли на завод. Приходилось девушке работать и на лесозаготовках, так как семья не была в колхозе. Позже Катя устроилась работать на Цыкинский льнозавод, где в течение семи лет была грузчицей сырья.

В мае 1938 года Екатерина вышла замуж за Никандра Калинина, красивого статного парня, работавшего тогда машинистом на колхозном заводе. Недолгим было счастье молодых: началась Великая Отечественная война. Никандра забрали на фронт на восьмой день мобилизации. Проводила Екатерина мужа до военкомата в городе Юрьевце. В начале осени 1941 года довелось ей повидать своего Никандра: он проходил подготовку за городом Иваново. В марте 1942 года их встреча не состоялась, совсем немного опоздала Екатерина – мужа отправили на фронт. В одном из боев он был ранен в голову и лежал в госпитале в городе Ульяновске. Хотела Екатерина съездить повидать мужа, но старики непустили:

Никандр Калинин,
30-е годы XX века

«Убьют тебя по дороге, на кого нас оставишь».

Так и не пришлось молодой женщине увидеть своего Никандра никогда: пропал он без вести в феврале 1944 года.

Работала Катерина в колхозе «Передовик», в который она все-таки вступила, когда муж ушел на фронт – вместе со всеми было легче переносить тяготы войны. Колхозники работали день и ночь. Летом Катерина работала в производственной бригаде, а зимой замещала свиначок и доярок. Менялись названия колхозов, а она оставалась верной своему хозяйству работницей в течение 60 лет.

Бережно хранит Екатерина Васильевна дорогую ей награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и другие юбилейные медали.

За трудолюбие и доброту односельчане очень уважали Екатерину Васильевну, всегда поддерживали и словом, и делом в трудный момент.

С замиранием сердца я слушала эту маленькую, хрупкую женщину и думала: «Как хватило у нее сил вынести все испытания, не сломиться, оставаться человеческой, скромной, глубоко верующей женщиной?»

После этой встречи между нами зародилась крепкая женская дружба.

ЗДЕСЬ СТРАДА КРУГЛЫЙ ГОД

Семья Алексея и Ольги Соповых живет в Пушкареве. Работали оба в колхозе им. Ленина за трудодни, детишек было шестеро, поэтому жилось семье трудно. Одна из дочерей, Тоня, в 1961 году оканчивает семь классов Валовской школы. Продолжать образование дальше у девочки не было возможности из-за трудного материального положения семьи. Нашлась бывшей школьнице работа в колхозе: пасти стадо колхозных овец.

Девчушка оказалась трудолюбивой и прилежной, поэтому, как только исполнилось Тоне шестнадцать лет, за-

ведущий Пушкаревской МТФ Калинин Аркадий Александрович пригласил ее на работу. Вместе с девушкой прошли они в конец фермы, остановились около крепко огороженного хлева. «Вот, Тонюшка, теперь это твое хозяйство», – сказал Аркадий Александрович. Тоня робко окинула взглядом «свое хозяйство». Четыре огромные бычьих головы с торчащими в стороны страшными рогами и четыре пары больших глаз, которые с любопытством разглядывали пришедших. Здесь стояли четыре быка-производителя. Потому ли, что девушка оказалась не из робких, или животные чувствовали любовь и заботу, они приняли свою новую хозяйку и подчинялись ей.

Тоня смело входила в хлев с быками, ласково приговаривая подопечных: «Ну-ка, Добрик, потеснись, я пришла навести у тебя порядок. А ты, Шумок, что сегодня такой грустный?» Сказала и ласково потрепала быка за ухо. В ответ строгий и серьезный Шумок только покачал головой, покосив в сторону девушки взглядом. Немногочисленное Тонино стадо всегда было накормлено, напоено, и в хлевах была идеальная чистота. Хотя произошел однажды курьезный случай. Тот день для Тони Соповой был необычным: ее принимали в комсомол. Девушка волновалась, спешила и решила, что уборку в хлевах проведет позже, чем обычно. Решила и поспешила на собрание. А в это время на ферму пришла проверка, да еще с районным представителем. Заведующий Аркадий Александрович, зная, что участок, закрепленный за Тоней, всегда в полном порядке, направился с комиссией труда. Открыл двери и от удивления развел руками: хлевы были не убраны. Позже он не кричал на девушку, но сказал так, что она запомнила сказанное им на всю оставшуюся жизнь.

Происходили и такие случаи, когда Тоне приходилось проявлять бесстрашие и храбрость. Одного из взрослых быков, Добрика, повезли в Сокольское сдавать на мясо. Трактор, в тележке которого находился бык, остановился у загона с животными. А сопровождавшие быка колхозни-

ки ушли ненадолго по делам. Когда они вернулись, то вокруг не было ни души, все попрятались кто куда. А огромный бык рыл землю копытами и страшно урчал на всю округу. (Видимо, почуяв недоброе, он выбрался из тележки.) Никто не решался подойти к разъяренному животному... Надо было что-то делать! Тогда Тоня взяла буханку хлеба и потихоньку пошла к быку, ласково поманив его: «Добрик, Добрик». Сердце девушки отчаянно билось... Добрик узнал свою хозяйку и медленно пошел за ней в загон. Все окружающие с замиранием сердца следили за происходящим. А когда за быком закрылись ворота загона, все вздохнули с облегчением. И каждый про себя подумал: «Как такой хрупкой девушке удалось усмирить быка-великана!?» И невольно вспомнился фильм «Полосатый рейс», в котором девушка-буфетчица подчинила себе тигров. Но фильм есть фильм, это вымысел режиссера, а здесь сама жизнь со всей ее правдой. Бесстрашию девушки можно только удивляться.

Одна из зим у Тони Соповой была очень трудной, так как она не только ухаживала за животными, но и возила молоко в д. Настасьино на сепаратор. Шесть-семь фляг с молоком с помощью кого-либо из доярок она грузила на сани и ехала на лошади в Настасьино. Там освободившиеся фляги наполнялись обратом, и девушка везла их обратно на ферму в Пушкарево. Путь неблизкий, на санях от металлических фляг было холодно, и Тоня неспешно шла следом за санями. Вдруг лошадь Моня с медленного шага перешла на бег и помчалась во весь опор: то ли спугнула ее пролетевшая мимо птица, то ли лошади захотелось быстрее спрятаться от пронизывающего ветра в своем теплом стойле. Как ни старалась Тоня догнать мчавшуюся лошадь, так и не смогла. Выбившаяся из сил девушка прибежала на конный двор в деревню Пушкарево. Конюх Сергей Лапшин стоял около примчавшейся лошади и озабоченно спрашивал ее: «Что же ты, Моня, пришла одна? Где твоя наездница»? К радости Тони, все фляги были на месте, и непослушной Моне пришлось отвезти их на ферму.